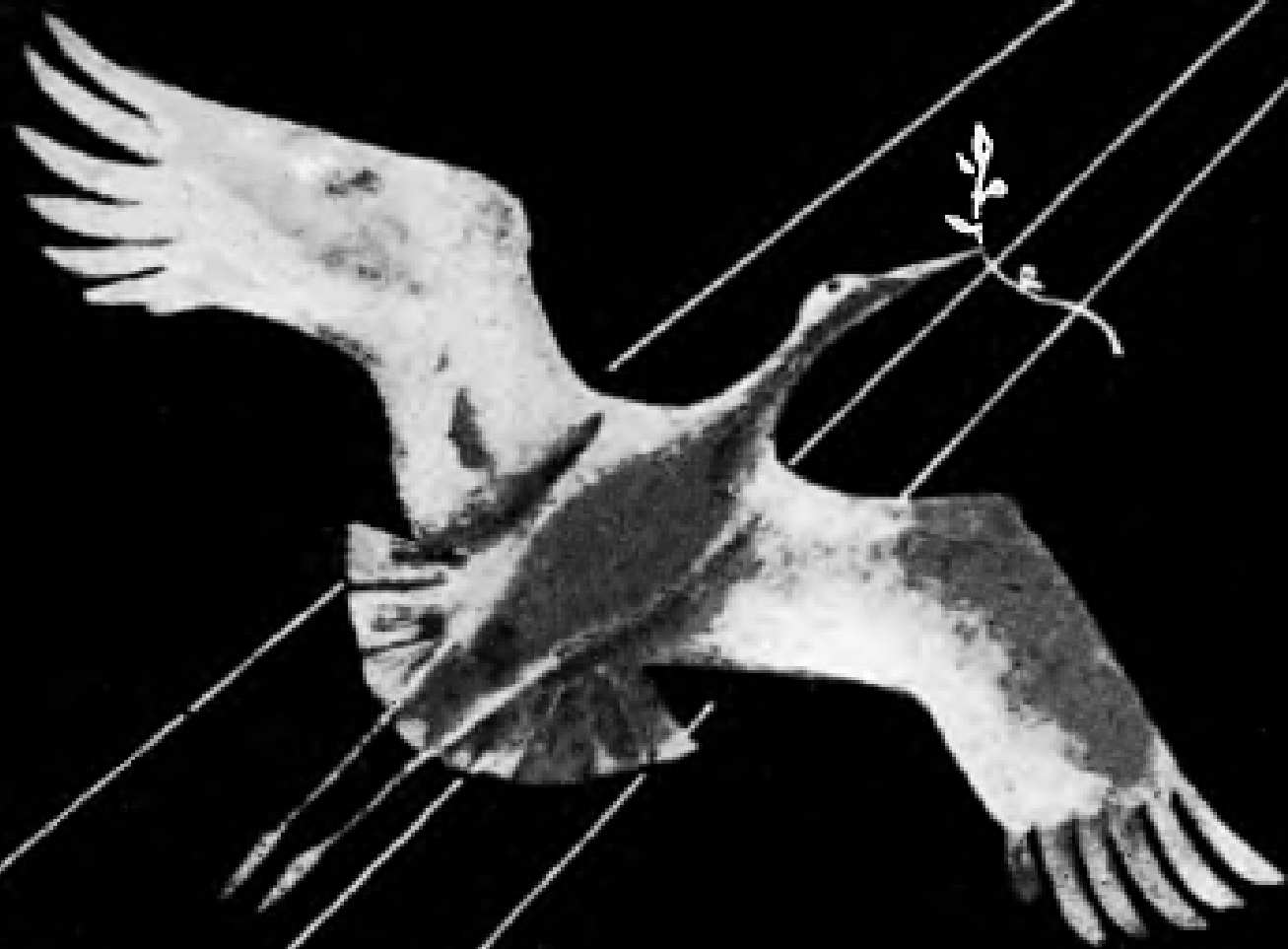

**Игорь
Шкляревский**

ДОЗОРНАЯ ВЕТКА

Annotation

Родина, природа, любовь — родники, питающие поэзию Игоря Шкляревского. Жизнелюбие — отличительная черта его стихотворений, соединивших в себе свежесть родных лесов, чистоту рек, тревоги и надежды людей.

С этими мотивами поэзии Шкляревского перекликаются и вольный перевод «Песни о зубре» Николая Гусовского, написанной в XVI веке, и переводы произведений белорусских советских поэтов.

- [Игорь Шкляревский. Дозорная ветка](#)
 -
 - [Лесная отчизна](#)
 - [«На берегу Днепра в лесной отчизне...»](#)
 - [«Как в ранней юности, весной...»](#)
 - [«Старинный город Могилев...»](#)
 - [Летающий сад](#)
 - [Начало](#)
 - [Осенний заплыв](#)
 - [«Ты помнишь, сразу две кометы...»](#)
 - [«Как ненасытен человек!...»](#)
 - [«Пусто. Холодно. Поздняя осень пришла...»](#)
 - [Назло беде](#)
 - [Ледоход](#)
 - [Похолоданье](#)
 - [Весной на родине](#)
 - [«Ночью пролетали журавли...»](#)
 - [Вокзал](#)
 - [Родная верста](#)
 - [Король угрей](#)
 - [Мой волк](#)
 - [Рябина](#)

- [«Бессонница. Горят Стожары...»](#)
- [Вдова](#)
- [Родине](#)
- [Береза у военкомата](#)
- [«Год 52-й...»](#)
- [Июньская ночь](#)
- [«Ночью птица возится в кустах...»](#)
- [«Так редко дружат ум и красота...»](#)
- [Один в лесах](#)
- [Старинный вальс](#)
- [«Тревожно мне в городе Минске...»](#)
- [Из юношеских тетрадей](#)
 - [Как старуха солнце воровала](#)
 - [Детство](#)
 - [Браконьеры](#)
 - [«С Днепра на город плыл туман...»](#)
 - [Рыжая Майя](#)
 - [«Подросток у тебя в подъезде...»](#)
 - [«Проспал на охоту! Аж бросило в пот...»](#)
 - [«Полный неба холодного клен...»](#)
 - [Веселая баллада](#)
 - [В чужом городе](#)
 - [«Боль перелетная, получужая...»](#)
 - [«На родине моей уже скрипят паромы...»](#)
 - [После войны](#)
 - [«Пылают буки, грабы, клены...»](#)
 - [Баллада из Лесной](#)
 - [Дозорная ветка \(Вступление в поэму\).](#)
- [Песня о зубре](#)
- [Верста](#)
 - [Янка Купала](#)
 - [Поэзия](#)
 - [Петрусь Бровка](#)
 - [«Приду усталым и счастливым...»](#)
 - [Аркадий Кулешов](#)

- «Мерещилась мне слава близкой целью...»
- Максим Танк
 - Другу
- Пимен Панченко
 - Шекспир и песня
- Максим Лужанин
 - «Все чаще и чаще себя убеждаю...»
- Анатолий Велюгин
 - Партизанская школа
- Рыгор Бородулин
 - Цимбалы
- Анатолий Гречанинов
 - Роят колодец
- Содружество
 - Максим Танк
 - Под мачтой
 - «Все чаще покидают этот лес...»
 - Делянка
 - После снегопада
 - Максим Лужанин
 - Василек
 - Рояль
 - Деревянная резьба
 - Дождь. Апрель, 1946
 - Нарочанские наброски
 - «Где-то с молнией ссорится гром...»
 - «Только день отсверкал за холмами...»
 - Анатолий Велюгин
 - «Опять дремотно ополь зазвенела...»
 - Летописцу лесного фронта
 - Печура
 - Алексей Пысин
 - Паром
 - «На родину тропинка...»
 - «Забыто многое в пути ...»

- [«Осенний лес, осенний лес...»](#)
 - [«Еще не кончилась дорога...»](#)
 - [Минута молчания](#)
 - [«Возникни, _____ новый _____ день, _____ началом новым...»](#)
 - [Сергей Граховский](#)
 - [Бессмертие зерна](#)
 - [«Люблю подзол, пропахший лесом...»](#)
 - [Сеятель](#)
 - [Аисты](#)
 - [Рыгор Бородулин](#)
 - [Год](#)
 - [Мотылек](#)
 - [Весенняя зарисовка на берегу озера](#)
 - [Помытые половицы](#)
 - [«Как _____ захлебнулся _____ от _____ радости жаворонок...»](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
-

ИГОРЬ
ШКЛЯРЕВСКИЙ

ДОЗОРНАЯ ВЕТКА

Стихи,
переводы

Игорь Шкляревский. Дозорная ветка Стихи, переводы

Лесная отчизна

«На берегу Днепра в лесной отчизне...»

На берегу Днепра в лесной отчизне,
в родном дому, в тревожной тишине,
где книги толстые напоминают мне
о радостях неторопливой жизни,

где я тетради старые свои
перелистал и вдруг душа заныла,—
фиалками в оврагах отцвели
тех весен водянистые чернила...

Так вот, на этом самом берегу
я оставаться больше не могу,
но никуда отсюда не уеду —
прошла охота колесить по свету.

Река спадает, входит в берега,
недвижен лес за полосой тумана.
Пусть ветер гонит к морю облака.
Родное небо глубже океана...

«Как в ранней юности, весной...»

Как в ранней юности, весной
окно открою во вселенную,
и притворится майский зной
рыжеволосою Еленою.

Услышу свист товарняка,
увиджу дым, в березах тающий,
и вдруг начнет лепить тоска
живые профили товарищей.

Вот Анатолий, вот Вадим,
а вот Валерий — птицы вольные!
Воспоминаний светлый дым,
гул половодья, годы школьные...

Да, только в этом городке такое
вдруг со мной случается,
на круче, в роще, на реке
далекий кто-то повстречается.

И вовсе нет вины моей
в том, что виденья мимолетные
дороже мне самих друзей,
легли пути бесповоротные!

Так плотно время пролегло,
что юность посвистом не вызовешь
и на былой любви не вытянешь.
К тому ж дороги развезло...

«Старинный город Могилев...»

Старинный город Могилев —
микрорайон, столбы, канавы.
А где же звон колоколов?
Где церкви, ратуши, порталы?

Швейцарцы ищут старину,
а переводчик виновато —
спиною к зареву заката —
молчит... Забыли про войну!

Забыли, как здесь все пылало,
кипело, корчилось, кричало —
и фреска, и резьба, и крест.
Из пепла город мой воскрес.

В нем старины заветной мало,
зато земля моя горда
тем, что без боя не сдавала
свои седые города.

Летающий сад

В широком пустом океане
Матросы глядят на закат,
и вдруг возникает в тумане
цветущий летающий сад...

Зачем он, бездомный и белый,
тревожит как в детстве, во сне?
Зачем притворяется пеной,
скитаясь на вечной волне?

Зачем он цветет бесполезно,
от берега быстро летит?
Какую, вздыхая над бездной,
на землю обиду таит?

Не зная ни стужи, ни жажды,
плывет над соленой волной
с тех пор, как весной однажды
его разлучили с землей.

В оврагах, в зеленом тумане
счастливые птицы поют.
А вишни шумят в океане!
А яблони в море цветут...

Начало

Синие сумерки ранней весны.
В призраках зелени голые ивы.
Небо легло на речные заливы.
Две голубые луны, как весы...
Вот они — две неподвижные чаши.
Скоро на донце одной полетят
перья товарищей, слезы Наташи,
дробь утиной ликующий град.
А на высокую чашу другую,
перелопатив души закрома,
весело брошу строку золотую.
Господи, пусть перетянет она!..

Осенний заплыв

Веселое время каникул
с веселой водой утекло,
а утром журавль закурлыкал,
и горло тревогой свело.

Покрытые инеем камни.
Природы пустые глаза.
Нелепо махал я руками,
к причалу по глине скользя.

А тут еще ветром подуло,
и дрожью покрыло залив.
И холодно было подумать
про этот прощальный заплыв.

Но брат в поредевшем тумане
богатого золотом дня,
не зная моих колебаний,
с восторгом смотрел на меня.

Я понял наивную душу
и, новой игрой увлечен,
подумал, что, если я струшу,
когда-нибудь струсит и он.

Я ласточкой прыгнул с причала —
вода обожгла, понесла.
А ночью башка полыхала,
стенала от боли спина.

Кричала пролетная стая,
и брату приснилась во сне

пловца голова золотая
на темной осенней воде...

«Ты помнишь, сразу две кометы...»

Ты помнишь, сразу две кометы,
две вспышки озарили ночь,
как будто годы, версты, беды
решились вместе превозмочь.

Блеснула в небе колея,
и понял я твое молчанье
как возглас: — Это ты и я!
Одной судьбы предначертанье.

Река тебя заколдовала,
встревожил шум дубов ночных,
но год прошел, и ты узнала —
есть много радостей других.

Знаменье — чушь! Молчанье — ложь!
Лишь вспыхну — до вершины леса
проводишь ради интереса
и снова весело взойдешь.

«Как ненасытен человек!...»

Как ненасытен человек!
Придет любовь, нагрянет слава,
блеснет под солнцем первый снег,
а сердцу жадному все мало...

На станцию Сорочий лес
я утром ехал на свиданье.
Все было — чистота небес,
удача, молодость, признание.

Но по дороге вновь и вновь
шептал мне тайный голос грустно:
Есть счастье — выше, чем любовь.
Есть сила — выше, чем искусство.

«Пусто. Холодно. Поздняя осень пришла...»

Пусто. Холодно. Поздняя осень пришла.
В старых руслах вода ледяная светла.
И душа, как долина, безлюдна.
Хорошо выгребать
 в два веселых весла,
а теперь плоскодонка моя тяжела
и гонять ее против течения трудно...

Бесполезно вздыхать. Мир не станет другим
только лишь оттого, что тебе захотелось
совместить и свободу,
 и женщины верность,
и остаться над светлой водой молодым!

Назло беде

Когда тоска за глотку схватит,
для лучшей песни слов не хватит,
с другим любимая уйдет,
а ночью дворник заскребет
своею черною лопатой
по дну бессонницы проклятой,
страданиями не упивайся,
не расслабляйся, не сдавайся,
окно морозное открой,
чтоб хлынул воздух ледяной,
чтоб в душу свежести нагнало,
и с головой под одеяло,
под одеяло с головой,
как в детство, в свежесть сеновала,
в сон беспробудный, в сон глухой.
Не горькой водкою и дымом,
а чистым холодом лечись.
Назло беде своей проснись
веселым и непобедимым!

Ледоход

Я и зимой тебя не разлюбил,
но снег лежал, и я почти забыл,
как сладко пахнет влажная долина,
как липнет к сапогам живая глина...

Апрель. Реки внезапный поворот.
Здесь, как всегда, заторы ледяные,
но катера облезлые и злые
до поздней ночи сокрушают лед.

Гудят, кричат: «Дорогу ледоходу!»
А ночью в бездну бьют прожектора,
и за город к литейному заводу
конвейер льда запущен до утра.

На переплавку — к солнцу прет конвейер,
пробита в юность золотая брешь!
Не забывайте золотое время
пустых карманов и больших надежд.

На переплавку — к солнцу, в домну мая
иллюзий дом скользит по виражу.
Старею? Нет! Себя не обедняя,
такой как есть, тобою дорожу.

Похолодание

Раскрылся дуб. Люблю похолодание!
В нем — чистота. Его боится тлен.
Ум бодрствует и прогоняет лень.
Все ощутимей жизнью обладание!
Похолодание! Сердце звонче бьется,
земля спружинит — молодость вернется!
Озябшая Елена улыбнется.
Река до горизонта разольется.
Родной скворец из Турции вернется...
И вдруг вершина тополя пригнется
от сквозняка! Так низко пронесется
над городом старинный самолет.
И парашюта ярко-красный плод
тугим холодным воздухом нальется,
как будто там, где нас невпроворот,
она случайно грудью прикоснется,
чудесным током нервы потрянет,
толкнет бедром и резко засмеется.
Не важно, обернется или нет!
— Прощай! — кричу ей радостно вослед.

Весной на родине

В Пропойске — май! Коза жуёт афишу.
Луга и поймы девственно чисты.
Совсем не жаль того, что не увижу.
Мне жаль того, что не увидишь ты.
А бор стоит стеною у реки,
как будто сосен в нем не убывает.
Горит закат. Ревут грузовики.
Дым от костра поля перелетает.
Все тот же дым! Он горек и лилов.
И ты совсем не склонен к многословью.
Но к родине тревожная любовь
сегодня схожа с первою любовью.
И этот бор, и дым, который тает,—
все о тебе поможет ей забыть.
И пусть она тебя почти не знает,
но ты ее не можешь не любить.

«Ночью пролетали журавли...»

Ночью пролетали журавли.
С крыши звезды синие текли.
Запахи оттаявшей земли
чуть с ума подростка не свели.
И в глазах его остался крик...
Этой ночью на какой-то миг
все земное сердцем он постиг,
все представил, зная наперед,
что ночное небо не поймет.

Вокзал

Могилевский старинный вокзал,
сколько раз ты мне душу пронзал,
черным дымом меня обнимал
и баянами вдаль провожал!

Там, где пиво мешали с водой,
эх, крылатый, да только безногий,
эх, с ногами, да только слепой —
пели вестники вечной тревоги.

Вспоминали, как в танках горели,
и, меня провожая в Москву,
словно люки открыть не успели,
в паровозном пропали дыму!

И опять, как тогда, на мгновенье
светом вырваны лица из тьмы,
словно выплыли мы из забвенья,
и в забвенье канули мы.

Это августа холод бодрящий,
опустевший девятый разъезд,
облетающий, мимо летящий,
застекленный пылающий лес.

Плачут дети, кричат поезда.
Ветер листья с дубов обрывает.
И зеленая злая звезда
нас опять до весны разлучает.

До чего ж ты коварна, разлука!
Даже тот, кто казался чужим,

улыбнется улыбкою друга,
и растает, и станет родным...

Родная верста

Кто-то в поле срывает стоп-кран.
— Стой, держи! — И опять не поймали.
Он бежит, задыхаясь, в туман,
вдоль болота осеннего, к маме.
Отоспится, попьет молока
и, как птица, взлетит на подножку.
Глаз наметан, и ноша легка.
Сэкономил дорожную трешку.
Проводницы сходили с ума,
машинисты от страха дрожали.
А потом пролетела зима.
Поезд шел, тормоза не визжали.
Может, стал он взрослее к весне
и удача к нему постучалась.
Может, просто на этой версте
никого из родных не осталось...

Король угрей

Все рыбаки пришли пустые,
и лишь у Васи-дурачка
угри, как змеи золотые,
ползут из мокрого мешка.
Наивно спрашиваю: — Где? —
А он над синею водою,
клонясь к закату головою,
пустил слюну по бороде.
Так вот каков король угрей,
прославленный в лесном народе.
Все дальше Вася от людей,
все ближе он к родной природе...
Дитя лесов, болот, полян,
когда страна дышала трудно,
он был связным у партизан,
и глянул на него Иуда.
На все село связной кричал,
от боли клялся и божился
и ничего не рассказал,
но детский разум помутился.
— Не знаю, — шепчет он с тех пор.
— Не знаю, — роща повторяет.
И самый лютый рыбнадзор
его сетей не проверяет...

Мой волк

Насторожило карканье ворон.
Задела нерв сосновая иголка.
И в тот же миг я понял — это он,
хотя впервые в жизни встретил волка.

Он пил из лужи, и рябая дрожь
шла по воде, заляпанной листвою.
На всякий случай я нащупал нож.
Волк посмотрел в мои глаза с тоскою

и побежал. Его худая тень
без суеты — легко и обреченно —
пересекла пустую лесостепь,
и тишина вздохнула облегченно.

Но что-то было у него в зрачках,
какой-то смысл безмолвного прощанья,
какой-то светлый неподвижный страх
и просто право на существование.

Случись охотник на моем пути,
без колебаний укажу рукою
куда-нибудь в орешник за рекою,
чтоб волк успел оврагами уйти.

Рябина

В пустой долине бродят миражи.
Блестит река, двоится белый бакен.
Лес изнемог от пыли и жары.
И вдруг в листве — рябина, словно факел...

Не представляю леса без рябины,
как Могилевской юности своей
не представляю без воскресных дней!
Я формовал тяжелые станины.

Графитной пылью семь часов дышал
и черную выплевывал мокроту
на белизну снегов... Зато встречал,
как день рожденья, каждую субботу.

Любил проснуться утром в воскресенье
и глазом цифру красную поймать!
А настоящий личный день рожденья
не отмечал. Зачем их отмечать?

На кухне мать нарядная хлопочет.
Шумят друзья. А во главе стола,—
да я в те дни сгорел бы от стыда! —
румяный юноша. За что такая почесть?

За то, что он увидел белый свет?
Ведь никакой другой заслуги нет.
А может быть, в душе живет обида?
Опять на взгорке вспыхнула рябина...

«Бессонница. Горят Стожары...»

Бессонница. Горят Стожары.
Безмолвный лес черней земли,
как будто жуткие пожары
по Могилевщине прошли.

Как сладко спать на сеновале
в грозу, под грустный шум дождя,
в конце июля, нет, в начале
любви, удачи, бытия!

Но совесть в юности сурова.
Она проснется раньше всех
и глянет оком рыбнадзора
та твой сомнительный успех.

Переберет весь день вчерашний,
обдаст прошедшею грозой,
так лист осенний, лист опавший
взлетает с треском над землей.

А может, просто у вокзала
в пустой дрожащей полутьме
всю жизнь свою пересказала
чужая женщина тебе...

Вдова

В. Н. Орлову

Ярко горели сухие дрова.
Весело в небе свистела флюгарка.
Долго смотрела на пламя вдова,
в юности прачка, а после кухарка.

Медленно думала что-то свое,
давнее что-то в золе ворошила.
Честно работала, верно любила,
чисто стирала чужое белье.

Сполох стоял над спокойным лицом —
алые угли к огню подгребала,
молча движения тень повторяла.
Думал и я в эту ночь о своем...

Родине

Люблю протяжный стон гусей,
березы желтое отрепье
и поздней осени твоей
угрюмое великолепье!

Люблю, когда прозрачный лед
звенит, расколотый о сваи,
и с крыльев золото течет
на деревянные сараи.

А ночью ветер ледяной
солому кружит во вселенной.
И не поймешь, где звук живой,
где только отзвук незабвенный.

В такую ночь уже нельзя
всю душу выболтать растеньям.
Надежды, женщины, друзья —
все подвергается сомненьям.

Но ты — моя святая дрожь!
Где шум лесов, где вздох народа?
Где слезы матери, где дождь?
Где Родина, а где природа?

Береза у военкомата

Плакучая, в лучах заката —
береза у военкомата!

В наш городок пришла весна,
а на стволе сыром и сером
опять слезятся имена,
оставленные в сорок первом.

Как будто бы за всех родных,
за всех, отчаянно любимых,
она оплакивает их —
бессмертных, но невозвратимых.

Вся в именах! И слава богу,
что на коре местечка нет
для тех, кто в девятнадцать лет
здесь собирается в дорогу.

«Год 52-й...»

Год 52-й
играет на трубе.
Поет над головой
в сиротской синеве.

Стена и двор пустой.
Мелькнул осенний лист.
В окне трубит отбой
детдомовский горнист.

Так журавли трубят,
когда в последний раз
внизу дубы горчат
и бредит желтый вяз.

И мы летим во сне.
Летим к себе домой
в сиротской синеве
над отчею землей.

Июньская ночь

Дрожал июнь, и ночью лунной,
травой холодной и длинной,
я шел к реке с тобою, юной,
совсем как в песне той старинной!

И был мой голос необычен,
когда отважился звенеть,
что каждый человек трагичен,
ведь каждый должен умереть.

И ты, как девочка босая,
слепца ведущая домой,
тревожных слов не понимая,
была тревогою самой...

«Ночью птица возится в кустах...»

Ночью птица возится в кустах,
не страшась посмертного забвенья.
И под сердцем шевелится страх —
я был мертв до своего рожденья...

Иволга, а может, козодой,—
одинок, митусливо, дробно,
еле слышно шелестит лозой,
словно сердце торкается в ребра!

Я был мертв до своего рожденья,
но о тех непрожитых веках
не осталось даже сожаленья,
только птица возится в кустах.

Словно жизнь забытая моя
у оврага встретила со мною.
И бежит в пространство луч огня,
с двух сторон зажатый темнотою.

«Так редко дружат ум и красота...»

Ирине

Так редко дружат ум и красота,
что я тобой невольно очарован,
а для других давно уже устал,
а для других давно гордыней скован.

Я понял землю и сухую рожь
перед грозю, что уже нависла,
как будто ты навстречу мне идешь!
Так редко в мире нежность бескорытна.

Должно быть, мир задуман был мудрей,
но в схему звезд проник расчет не точный,
я о бессмертии души твоей —
так редко ум свободен непорочный!

Один в лесах

Я жил в лесах на 107-й версте.
И до утра на воле, на пределе
березы на твоём лице шумели!
Под шум берёз я думал о тебе.

Под шум берёз я думал о тебе.
Я вздрагивал — казалось, что светает.
Какой-то свет блуждает в темноте,
какой-то звук его сопровождает.

Кричали птицы, угасал костёр,
а небосвод все ярче разгорался.
Я забывался, слушая простор,
но с именем твоим не расставался.

И от тебя в отчаянной дали
вдруг понял я, когда кричали птицы
и к звездам рвался хриплый крик возницы,
как нам немного надо для любви,

чтоб нас двоих в один и тот же миг
одно живое пламя озарило
и чувство синей вечности пронзило
насквозь, как этот журавлиный крик!..

Старинный вальс

Подул холодный, резкий, яркий
октябрь. И опустели парки.
И сразу обезлюдел пляж.
Теперь весь этот берег наш!
Пустует летняя эстрада —
вся в полумертвых мотыльках,
как будто в нотах и в словах,
вчера забытых впопыхах,
так ей и надо, так и надо!
Как весело сегодня мне —
опять за сценою фанерной
поток веселья эфемерный
околеваает в синеве!
Как радостно — костры горят,
и пожирает дым забвенья
пустые жалкие сомненья
и горести, что напрокат.
Отбарабанили, умчали
флейтист, ударник и хохмач,
зато восторги и печали
вернулись! Радуйся и плачь.
И счастлив слух неутонченный,
и полон смысла небосвод,
когда с березы рупор черный
старинный вальс передает.
Опять и музыка и слово
живут единою семьей,
и общий смысл всего живого
в слезах встает перед тобой.

«Тревожно мне в городе Минске...»

Тревожно мне в городе Минске,
как будто живу без прописки
и книгу мечтаю издать...
Тревожно, как будто опять
все заново мне начинать!
А помнишь, как было вначале?
Во тьме паровозы кричали,
на стройке костры полыхали,
гудела всю ночь магистраль.
А мода на грусть и печаль
тебя и меня миновала —
так искренне мы горевали
и так высоко ликовали
в той комнате, с окнами вдаль!

Из юношеских тетрадей

Как старуха солнце воровала

Я жил в глухом районе Минска
среди лая, хохота и визга,
среди старух и стариков,
и каждый вечер в семь часов
скрипел засов, скрипел засов!
Старуха ставни закрывала,
ключами ржавыми звеня.
Старуха солнце воровала
у солнцелюба, у меня!
Прекрасно и неуловимо,
как золотой плавник налима,
тонул закат во тьме кромешной,
тонул закат, всплывал рассвет,
но я не помню их, конечно,
их просто не было и нет.
Шестьсот рассветов и закатов
и каждый месяц треть зарплаты
заплачено за тот чердак,
за тот колодец неглубокий,
где сочинял один дурак
такие солнечные строки.
А в девять ставни открывала
старуха эта, ну и дрянь!
Как будто солнце даровала —
мол, полюбуйся, ну-ка, глянь...
Все краски, отблески и звуки,
как нищему, дарила мне.
Желаю сгинуть той старухе!
Желаю солнца всей земле!

Детство

Отвратительны подачи!
И поэтому весной
так прекрасен грохот тачки
на разбитой мостовой.

О, горячий блеск монет.
В поле «юнкере» доломаем
и утильсырью — привет!
Все равно не унываем.

В небе сушится таранька,
а на плесе тол гремит.
Как на летчике кожанка,
сотня новая хрустит.

Ряд базарный закачался,
сыт и весел обормот.
Тот, кто в детстве настрадался,
в юности свое возьмет!

Браконьеры

Инспектор, друг из рыбнадзора,
ты не спасешься от позора!
Уже смолою пахнут лодки,
а возле домика вдовы
опять язятники оглохли
от разгулявшейся воды!
Еще волнуют их разливы,
но этой гулкой воли власть
уже слабее, чем наживы
все возрастающая страсть.

Не зря с утра они хлопочут
и новый пробуют мотор,
над рыбнадзорцем хохочут,
не пойман за руку — не вор!
Опасность дело окрыляет,
удача головы кружит.
Их только аммиак пугает,
их только нефть в реке страшит.

«С Днепра на город плыл туман...»

С Днепра на город плыл туман —
не одиночество, а мнимость,
и лишь окно вдали светилось,
там пел о жизни графоман.

Но, тяжкий груз взвалив на плечи,
увы, не знал он русской речи
и в сорок лет постичь не смог,
что вдох и выдох — это вздох.

И все же я его любил
за гордость, бедность и отвагу,
за то, что ночью выходил,
дрожа от сырости, к оврагу.

Он знал — при жизни славы нет,
и насмерть бился над сонетом.
На зависть истинным поэтам
он жил, как истинный поэт.

В городе ночью шумят листопады.
Воздух трещит за стеклянной стеной.
Я засыпаю, лечу под канаты и,
просыпаясь, трясую головой.
Тренер не спит — финалисты продули!
Лучшую «муху», как ветром, смахнули!
«Тяж» разучился удары держать.
Очень страдает. А мне наплевать.
Радостей жизнь для меня не избыла.
Что мне какой-то проигранный бой?
Вечером слава меня обделила,
утром уже окрылила любовь!
Юноши дуют в спортивные трубы.
Кружится мусор вчерашнего дня.
Листья летят. И в разбитые губы
рыжая Майя целует меня.

«Подросток у тебя в подъезде...»

Подросток у тебя в подъезде,
как в утешительном заезде
на пятой, на седьмой воде,
когда на веслах одиночки
веселый догорает день
и машут жалкие платочки.
Он согласился быть десятым,
пятнадцатым или двадцатым
и никого не ревновать.
Сейчас, наверно, это в моде.
Принадлежу к другой породе —
звонящий воздух разорвать,
до крови ногти обломать,
быть первым или проиграть!

«Проспал на охоту! Аж бросило в пот...»

Проспал на охоту! Аж бросило в пот,
как будто проснулся однажды в субботу,
забыл, что ее подарили народу,
и вздрогнул — проспал на литейный завод.
И радостно вспомнил: суббота — свобода!
И вновь потекла золотая дремота —
веселые реки, вольеры, охота, удача...
И вдруг на охоту проспал.
Смотрел в потолок и себя утешал:
дождливая осень, плохая погода.
И вспомнил, что пуще неволи охота,
однако же, сладко я нынче поспал...
И вдруг засмеялся — ведь это свобода!

«Полный неба холодного клен...»

Полный неба холодного клен
резко сажей внизу обведен!
Это юность. Рабочий вагон...
И завод. И раздробленный сон,
словно льдина слепая налезла
на стальное ребро ледореза,
рассыпая оскольчатый звон.
Нам пора, позади перегон.
Спрыгнешь — брызги летят из оврага...
Это радость твоя, как собака,
с дрожью капли воды отряхнет,—
вспыхнет радуга!.. И расцветет,
зацепившись за угол барака.
Ты замрешь в полукружье огня,
в синих зарослях стружки фабричной...
Это небо от скуки приличной

охраняет тебя и меня!

Веселая баллада

Я мало ел и много думал.
Ты много ел и мало думал.
А в результате — как же так? —
ты — умница, а я — дурак!
Ты засмеешься — я заплачу!
Ты сбережешь, а я растрачу!
Ты помнишь — я уже забыл.
Ты знаешь — я уже не знаю.
Но если ты меня простил,
то я вовеки не прощаю.
Ты стар? Глаза твои устали
следить пронзительные стаи
несущихся куда-то птиц,
осенних листьев и страниц?
Тогда я молод, молод, молод,
люблю дорогу, спирт и холод,
весенний гай, грачиный гай!
Ты умираешь? Умирай!
Но поскорее выбирай.
Ты в рай? Тогда я в ад! Прощай!

В чужом городе

Бессмысленно живут и умирают,
лишь на мгновенье где-то в глубине
осознают, безвольно ощущают,
что это все в каком-то вечном сне.

Похож на правду этот сон порою,

дождь прошумел, и выросла трава.
Блестит булыжник мокрый под луною.
Днем от забот кружится голова.

Все наяву — справляют дни рожденья,
шлют телеграммы, плачут, пьют, поют,
во сне ложатся и во сне встают,
а думают, что это пробужденье.

«Боль перелетная, получужая...»

Боль перелетная, получужая
стала родной. А причина какая?

Американский серый журавль
весь уничтожен в долинах Гудзона.
«Некого брать под охрану закона», —
как сообщает научный журнал.

Весь, от Гудзона и до Айовы,
начисто выбит трубач бестолковый.

Трезвость крылатую косит породу.
Трезвое племя на землю пришло.
Душат свободу и грабят природу
и процветают потомкам назло!

«На родине моей уже скрипят паромы...»

На родине моей уже скрипят паромы,
а у тебя в глазах все тот же синий лед.
...Геологов спасли! Поднялся вертолет,
и диктор передал, что все они здоровы.

У острова Аскольд столкнулись корабли,
в борьбе отчаянной был день кошмарный
прожит.
Сегодня рыбаки на помощь им пришли.
А я люблю тебя — никто мне не поможет!

После войны

На круче дом двумя рядами вязов
и проволокой ржавой опоясан.
Торгаш собаку кормит колбасой.
Сегодня — праздник! Всюду пир горой
и слава русская, что смешана с печалью,
сиротством, болью, кровью и золой.
Развалины пугают синевой
и обгорелой рельсовой сталью.
А на базаре нищие хохочут.
Народ толпится у торговых точек.
Летит музыка в небо из пивной.
Ликует грач, от солнца голубой.
На всей земле покончено с войной.
Друг повернулся к домику спиной.
Скрипит зубами и журчит слюной.
И говорит: — Пойдем отсюда к нашим.
Старик собаку кормит колбасой.
Но мы об этом бедным не расскажем.

«Пылают буки, грабы, клены...»

Пылают буки, грабы, клены.
Летят во Францию вороны.
Их ждут парижские помойки,

размолвки, буйные попойки,
каналы, стоки, клейзаводы
и елисейские восходы.
И вот метут по небу кроны.
И крылья синие шумят.
Седые львовские вороны,
зачем они туда летят?
Какая в жизни перемена?
Один чудака, поклонник Брема,
печальных птиц окольцевал
и мне однажды рассказал,
что по следам Наполеона —
покоя юность не дает —
летят во Францию вороны
и там зимуют каждый год.
И вот летит над миром стая,
кружит и каркает в полях,
тем, кто забыл, напоминая
об исторических путях!

Баллада из Лесной

А вот курган. Отсюда шведы
ушли впервые без победы.
Здесь ты впервые проиграл,
Карл, Карл!

Ты слышишь в имени своем
зловещий крик
ворон полтавских,
и причитанья вдов солдатских,
и огрызающийся гром
артиллерийской канонады,
и грубым каменным ядром

ручья придавленное горло,
и грозное удушье горна?

Карл, Карл!

Ты сам пришел в поля России,
чтоб имя гордое твое
вороны старые носили,
сядась на мокрое жнивье.

Ты, юный, сам не понимал,
зачем среди чужих просторов
так безоглядно растерял
своих железных волонтеров.

Брожу в долине
с детства милой.
Дышу свободой и весной.
Есть в стороне моей лесной
пришельцев братские могилы.

Многострадальный и радушный,
мой незлопамятный народ,
к могилам этим равнодушный,
своей надеждою живет.

Дозорная ветка (*Вступление в поэму*)

Как только я на холм взобрался,
сад в мои легкие ворвался!
И я, как пьяный, зашатался
и как счастливый засмеялся.

Потом в долину я спустился,

и оглушил меня простор!
и с гулом в кровь мою вломился
израненный подсочный бор.

О чем леса мои шумели?
О чем ночные птицы пели?
Я ничего не понимал!
Я шел весеннею долиной,
бежал к реке своей любимой
и, задыхаясь, повторял:

О жизнь, непонятая мной,
ты восхитительна до дрожи!
Однако чести не дороже,
однако чести не дороже
и не добрей тебя самой.

Луг

Умер мой веселый друг.
Не согласен! Больно! Пусто...
Но веселый до кощунства
мне приснился летний луг!

И смотрел я не дыша,
и сквозь слезы мне казалось,
что товарища душа
в свежих травах раскрывалась.

Остро вспыхнула роса,
и у скорби, у печали —
у меня мои глаза
краски луга отобрали:

серебристый белотал,
ветреница золотая,
чина, странница седая,—
я их до рожденья знал!
Вот вербейник у воды
нежно-розово-зеленый.
Вот поникшей череды
сонно-желтые бутоны.
Вот пурпуровый чистец
с черной рябью на тычинках
и вечерница в ложбинках,
а на склонах — аржанец.
Вот дубровка голубая —
боль снимается любая!
Вот нивяник грустно-белый...
Сник сердечник — признак первый,
что чревата даль грозой.
А когда подует ветер,
вздрагнешь... Спросят: «Что с тобой?»
Ты ответишь: «Пахнет клевер!»
И вдохнешь его, уверен,
что не обделен судьбой!

Но, маяча над водой
и блуждая вдоль излучин,
вдруг я понял, что измучен
разнотравной красотой.
Потому, что был один,
о литейка и больница,
и не мог я поделиться
с вами свежестью долин.
И уже в тени обрыва,
от росы еще бела,
приднепровская крапива
мою память обожгла.
О крапива и щавель —

отрочества витамины,
поколенья гулкий хмель,—
там качаются руины...
Пусть циничный человек
замечает в оправданье,
что в его практичный век
ни к чему все эти знанья.
Отступила голодуха,
наступила трын-трава!
Но тревожит голос друга,
голос друга — голос луга,
голос вечного родства...

Вновь запахли травы сладко,
и возникли надо мной:
тополиная стекляница,
ивовая переливница,
бархатица волоокая,
коромысло синекрылое,
траурница и весенница,
и обычная печальница,
и оса, блестянка огненная!
И бежало над Лобчанкою
детство с марлевою сеткою
за сияющей журчалкою
и багряной огнецветною.
И, сверкая, как лудильщик,
знойный полдень шел на луг.
Свайный жук и жук-сверлильщик
ослепляли меня вдруг.
А по воздуху к заливу
молодая цапля шла,
целый день ловила рыбу,
и белел испод крыла.
И звенел, трещал будильник
в сладком хаосе корней —

блеск роняли тинник, ильник
и священный скарабей!
Пусть циничный человек
замечает в оправданье,
что в его практичный век
ни к чему все эти знания.
Что я цинику отвечу?
Я ему отвечу так:
— Вечен луг, а ты не вечен,
ты ведь циник и пошляк.
Одиночеством унижен,
потому что сердцем пуст,
что ты видишь в зное рыжем?
Ничего — ольховый куст.
Вечен луг, а ты не вечен,
суетой обременен
и всеядностью заверчен,
даже в грусти ты смешон.
Потому что в этой грусти
и в несчастиях твоих
нету мысли, нету сути,
нет бездоний золотых!
— Браво, так ему, приятель,
вклей, вклей, вклей, вклей! —
закричал зеленый дятел,
редкий гость земли моей...
И кукушка куковала —
отзывался в сердце звук —
годы родине считала,
подтверждала: вечен луг!

Ты закажи мне песню о хлебах,
отвечу: — Нет в природе равновесья...
Сухой песок скрежещет на зубах,
и о болотах назревает песня!

Мелиоратор славно поработал,
глухие топи были не в чести.
Пошли меня ко всем чертям в болото!
Но Расскажи мне, где его найти?

Среди каких песков и мелколесья?
Подымет ночью совесть, а не страх,
и я уеду в глубину Полесья
и повторю, что о болотах песня —

в грядущем это песня о хлебах.

Нас много у тебя, а ты одна.
Скорбим, бывает, радуемся ложно.
Вдыхая гарь и сырость из окна,
лишь о тебе задумаюсь тревожно.

Нет, я гадать по звездам не готов,
куда надежней зыбь весенних всходов,
размах полей, созвездия заводов,
высокие стожары городов...

Я отношусь к тебе благоговейно,
в былое низко кланяюсь труду,
но скорбь моя уже в долине Рейна,
аж в восьмьсот шестнадцатом году!

Там началось — спрямить решили русло,
чтоб судоходный бизнес процветал.
Им вспоминать теперь об этом грустно,
все инженер учел и подсчитал.

Трудились люди более полвека,
и все же светлый разум человека
не победил. И праздничный канал
не поразил величием иностранца —

вдруг уровень грунтовых вод упал!
Песок свистел от Базеля до Майнца...

Колодцы высохли. Дохнула жаром высь.
Неурожаи проклинал местный житель.
Лишь одного не смог учесть строитель,
что из болота вытекает жизнь!

В конце концов нагрянул час расплаты —
набрали мощь стальные короли,
и славный Рейн добила химикаты,
и славный Базель потонул в пыли.

Пропал ручей в лесочке поределом,
рыбак последний продал невода,
и рыбнадзор в обнимку с браконьером
пошли в кабак, врагов свела беда.

От щелочей задохлась Лорелея...
Прозрачен Сож. В бору — грибной туман.
При чем здесь Базель и долина Рейна?
Отвечу: — Есть подземный океан!

Пора понять великий смысл природы,
тебе и мне давно понять пора,
что воды Вислы, Рейна и Днепра
в конце концов одни и те же воды!

Я возвращаюсь в край своих отцов.
Люблю закон, разящий безобразья.

Люблю сырые запахи ненастья
и влажный шум взволнованных лесов.

Люблю весной дремать в сыром овраге,
встречать, дрожа от сырости, рассвет
и шкурой ощущать избыток влаги,
ведь на Земле надежней крыши нет!

И от пожара, и от недорода,
и от болезней чертово болото
спасает нас. Мне было 20 лет.
Я был влюблен. Мы встретили рассвет

в чаду трясин, в хаосе краснотала.
Лягушки пели... Вдруг она сказала:
— Смотри, какая грязная вода...
Мы в тот же день расстались навсегда.

Вдохнешь туман — болотный, торфяной,
а в нем такая сладость и тревога!
Шекспир и Диккенс... Желтая дорога
и ельники затоплены водой...

В душе — неизъяснимое волнение,
опять, как в детстве, страшно и тепло.
То Бежин луг, там бродит привиденье...
И Медный всадник скачет тяжело...

Люблю один бродить в сырой низине,
люблю сидеть часами у костра
и слушать, слушать, слушать до утра,
как егерь едет на ручной дрезине,

как бабы в роще ведрами бренчат.
Уже предзимье в воздухе повисло,
во рту от клюквы холодно и кисло!

И журавли кричат, кричат, кричат.

Всю ночь хрипит на озере вожак,
крылом настыйый вереск обнимает,
и голос птицы — резкий, как наждак,—
пространство сиротливое терзает.

Стой — на лещине запеклась заря!
Замри — какая бодрость и прохлада.
Пойми — душа цветам болотным рада.
Гордись — вокруг родимые края.

Чем их сильнее любишь, тем тревожней.
Не относись к природе свысока.
Мы на земле, как в чашечке цветка,
и крикнуть хочется: — Поосторожней!

Река

Все помню — и чистую дрожь
по-детски румяной подруги,
и грустно упавшую рожь,
и леса усталые звуки,
и первый горячий глоток —
блаженный итог передраги.
Костер, утопая во мраке,
цеплялся за каждый сучок.
Могучая свежесть земли
трепала палаточку нашу,
таинственно воды текли,
и всплески пугали Наташу.
И дикие гуси в печали
ночной обнимали простор.
Полдня мы в стогах прозябали,

полдня разводили костер.
И вдруг словно треснула мгла
от вспышки летящей кометы.
Что делать, я верю в приметы
и в добрые верю слова:

пока не упала звезда,
задумай такое желанье,
чтоб эта лесная вода
не вытекла вдруг в мирозданье.

Пока не упала звезда,
такое желанье задумай,
чтоб вечная тьма никогда
живой огонек не задула!

А если успеешь, тогда
желание личное вспомни,
но где-то на уровне кровли
твоя догорает звезда!..

И ты мне за это прости.
— За что? — удивилась Наташа,
ей холодно было и страшно,
и нас окружали дожди.
Одни под расхристанным небом
мы были невольно близки,
но снился мне солнечный невод
в зеленых глубинах реки.
Перловицы вензель арабский
и готику синих лучей
я видел сквозь марево ряски,
но я не сумел их прочесть.
Еще устремленный в земную
насушную хронику дня,
не смог я прочесть золотую

открытую летопись дна.
Возникла она и пропала,
когда забурлило весло...
А солнце и вправду взошло,
и наша река ликовала!
И окунь на отмели снова
глушил золотого малька.
О-о-ку-у-нь! Что за дивное слово,
как в нем синева глубока.
И жерех — серебряный гений,
уклейку над заводью нес!
Пронзительных сотни мгновений —
как вспышки намокших стрекоз.
А там, где в застое прогоркла
вода от ольховой коры,
изящно рыбачила норка
и дружно трудились бобры.
Всмотрись в эту дымную воду,
пойми ее детскую речь,
оплакивать рано природу,
но самое время беречь.
Любовь к нашей Матери Первой,
души разнотравный шалаш —
вот самый надежный и верный
мелеющих заводов страж...
Щедра твоя чистая жизнь,
и случай тебе улыбнулся,
но все-таки ты оглянись.
Смеркалось. И я оглянулся...

Господи! Огненно-синей стеной
осень стоит у меня за спиной.

Широкий шум березовых лесов
и грозный гул остроконечных сосен
нагадывали мне, что скоро осень,
и грянула она в конце концов.
В конце концов нагрянула она
молчаньем птиц и просекой в безбрежность...
А по ночам болотная луна
бросала в дрожь притихшую окрестность.
И прямо в душу смутную мою
светила, нет, — задумчиво смотрела,
как будто знать, далекая, хотела,
зачем живу, страдаю и люблю?
А на рассвете рощица звала,
аукала меня грибной охотой,
и одиноко падала листва,
чуть тронутая смертной позолотой.
А лес шумел! Зелено-золотой
шумел мой лес, живицей опьяняя,
и лось трубил, и белка молодая
ловила лист, летящий над землей.

И вот опять в орешнике дымок...
Под елью две нахохленные воли —
два мальчика... — Эй, почему не в школе?
— Не выучили, дяденька, урок!
Я оглянулся — факелы рябин,
туман, ползущий в старые траншеи,
слепой землянки солнечные щели,
источенный водою карабин,
изжеванный землей противогаз...
Покой! И Слава вечная и тризна —
уж этот лес душе не преподаст
поверхностный урок патриотизма.
Я должен был бродяжек пожурить,
но был подкуплен бульбочкой печеной
и промычал, едою увлеченный:

— Костер не позабудьте погасить...
И потянуло в детство — в Черный бор,
такой богатый клюквой и грибами.
Я перешел ручей, и за холмами
пустое небо глянуло в упор...
Здесь токовать должны перепела
и радость белкой прыгать в поднебесье,
но сократила острая пила
мою главу веселую о лесе...

Какими жизнестойкими словами,
как передать свою любовь к лесам
дням настоящим и грядущим дням?
Вдруг шелест, голос: «Передай с лесами!»
Откуда голос? Рядом — над рекой —
маячил бор, пока что не подсочный.
Шагнул ко мне высокою стеной,
позвал меня, задумчивый и мощный.

Я не запомнил, что и где растет,
не любовался яркими дроздами,
но, подпирая кроной небосвод,
опять стоит сосна перед глазами!
Сползает круча, оседает грунт,
не лезут в землю штопором корни,
как будто здесь страдают и живут
моих подспудных мыслей продолженья.
Корнями почва вся оплетена,
внизу река поет и русло режет...
На круче одинокая сосна
за землю держится и землю держит!

Прощание с поэмой

Дозорная ветка — высокая ветка.
Покуда не стали птенцы на крыло,
покуда в полетах душа не окрепла,
у птицы задача — высматривать зло.
И мальчик с рогаткой, и ястреб проворный,
и подлый охотник, и роща в огне
мерещатся птице на ветке дозорной,
а что с этой ветки мерещится мне?
И отрок, напичканный с детства цинизмом,
и пильщик, спиливший мои тополя,
и где-то за дамбой в овраге неблизком
в ожогах и ранах больная земля...
Но главное — с этой тревожной вершины,
пока у грядущего крепнет крыло,
я вижу любимые с детства долины —
осеннее солнце над ними взошло!
Здоровые рощи и чистые реки,
и нашу прекрасную чистую речь
мне дарят отчизны дозорные ветки,
чтоб все это свято любить и беречь!

Песня о зубре

Вольное сокращенное изложение «Песни об охоте на зубров в северных лесах», написанной в 1523 году сыном Могилевского лесничего Николаем Гусовским по настоянию епископа Эразма Телка, вместе с которым Гусовский оказался в Риме. Дипломатическая миссия от государства литовского превратилась для них в изгнание, вероятно, из-за поражения той феодальной группы, к которой они примыкали на родине.

Дальнейшая судьба гениального автора чудом уцелевшей поэмы неизвестна.

1

В Риме однажды, во время жестокой забавы,
был я свидетелем весело пролитой крови.
Юность, страдая отвагой и жаждою славы,
ловко дразнила быка в окруженьи народа.
Стрелы свистели и жалили мощного зверя.
Рукоплескания ярость его распаляли.
Розовой пеной плевался гигант, свирепея.
Бил и растаптывал многих мужей расторопных.
Друг по отчизне, со мной оказавшийся рядом,
вспомнил охоту в литовских лесах, и тогда я
громко рассказывать начал об этой охоте,
но повредил откровенный язык чужеземцу.
Весь мой рассказ изложить предложили
стихами.
Ежели правду сказать, не по собственной воле
начал я песню о зубре, но вольное слово
стало тоскою по родине, милой до боли!

Там, где сурово сияют полночные звезды,
слава о зубре идет, как о страшном убийце.
Память о нем, как дыханье его за спиною,
вдруг навевает столь мерзкую часто тревогу.
Бегством спасаясь, не видел я в этом позора.
Не унижал меня черни презрительный хохот —
неосторожность порой принимает за смелость
тот, кто не знает суровых законов охоты.
Так же и я в стихотворческом деле не сведу
и превосходство ученых мужей понимаю,
но не могу пренебречь высочайшею волей,
будучи многим обязан великому другу^[1]
Что ж, собирайте посевы с бесплодного поля.
Жажду свою из сухой утоляйте криницы.
Если б равнинами снежными стали страницы,
сразу бы ожили дерзкие образы боя.
Нет, не виновен я в том,
что рассказ не прекрасен.
Длинные стрелы в тяжелом намокшем колчане
отягощали мне плечи и били по бедрам.
Знаю, ты лучше напишешь, но лук не натянешь
—
равные только в различном бывают искусстве.
Рвите, однако, стихи чужеземца, — невежды!

Острую дивную вещь я держу осторожно.
Ядом разлуки пропитан ее наконечник,
с нею обычно бродил я по северным рощам,
пар выдыхая в морозное небо отчизны!

Логово зубра таили настылые сосны.
Бешеный рев долетал до соседней державы.
Вскормленный пущей и раненный мною
 смертельно,
зверь уходил от людей в направленье заката.
Зубра шатало, и силы его оставляли.
Вдруг он упал, как лохматая темная буря.
И, удивляясь громадности мертвого тела,
трое охотников между рогами уселись!
Жесткая грива по шее сбегала на плечи.
Отблески молний застыли во взоре свирепом.
К одеревенелым коленям гиганта примерзли
бурые клочья его бороды безобразной.
Если хотите увидеть великое в малом —
с виду козел, беспорядочно шерстью заросший,
но по размерам крупнее быка племенного,
будто раздумывал в день сотворения мира
образ какой обрести, но стрела зазвенела!

4

Я удивляюсь тому, что писали о зубре
в древнее время. Откуда пудовые губы?
Даже рога из широкого выросли носа!
Нет, не такой, как в писаниях, славный зверюга.
Много о прошлом расскажут и русские книги.
Этот народ, несомненно, для собственной
пользы
с греческой буквой сдружился и очень умело
соединил ее с дивным отеческим звуком.
Есть города, где еще дорожат стариною,
живы места, где остался времен отпечаток,
но ни полслова нигде не нашел я о зубре,
видно, не знали о нем на земле до потопа.

Только лишь в северном крае, богатом лесами,
водятся эти быки, на других не похожи.
Плиний о них говорит, вспоминая бизона.
А для меня эти встречи — морозом по коже!
Ведь неспроста он зовется гривастым бизоном,
непревзойденным по дикости, злобе и силе.
Если не верите мне, ограничусь советом —
все-таки лучше прочесть, чем проверить на
деле.

5

Тот, кто в полночных лесах не изведал
волнений,
пусть болтовней занимается сколько угодно,
если чего-нибудь стоит такая свобода,—
зубры и мне и другим не однажды являлись.
Но никогда для меня не вернется то время.
Отдыха я избегал и покой ненавидел.
Сердцем к нему из Италии вдруг возвращаюсь.
Слушаю сосны и памяти сеть расставляю.
Новое дело — за временем жадно охочусь.
Но ускользают мгновенья и прячутся в прошлом!
Где же утрачен, какими песками засыпан
бурный источник надежд и желаний моих?
Не возвратить! Бесполезны смешные уловки.
Раз навсегда он ушел от меня безвозвратно.
Пусть погибает! Судьбе не навяжешь законов.

6

Хватит, не медли, займись своим делом
нежданным!

Что тут гадать, удивить ты не сможешь ученых.
Как размышляют, какие старинные книги
знают они, но о том, что пишу я сегодня,
в древних пергаментх им отыскать не удастся.
Тайна сокрыта не в книгах, а в наших лесах!
Даже в ломбардских рассказах диакона Павла
нет описаний размеров могучего зубра.
Честного старца надежный рассказ ограничен
тем, что пятнадцать мужей, не обиженных
плотью,
могут на шкуре довольно свободно разлечься.
Не задержусь возле шкуры такой в изумленьи.
Где-нибудь в зале огромных рогов не замечу.
Я ведь своими руками разделявал зверя.

7

Что бы там ни было, долгой и трудной охоты
путь мне известен и тяжкое бремя посильно.
В северных рощах, писателям римским не равен,
родом из Польши, ходил я уверенным шагом.
Строгий отец завещал мне лесную науку —
видеть следы, обнаруживать тайные тропы
и без ошибки ветров узнавать дуновенье,
чтоб не почуял ни носом, ни ухом засады
зверь, затаившийся в тысячелетних деревьях.
Воля отца, беспощадный родительский разум
отрока в снежных сугробах потеть заставляли,
смертью глаза забавлять и пронзительным лаем
уши ласкать научили в погоне за вепрем.
Круглый свинец догонял на поляне медведя.
Лоси — пугливое чудо! — пьянея от сена,

в сеть попадались. И жаркие выстрелы воздух
вдруг потрясали. И всадники с криком скакали.
Вопли досады и чей-то ликующий возглас.
Пена и кровь! И удачи морозные дали.
Всякое с нами случилось в лесу непролазном.
Гибель грозила, но равный друзьям по охоте,
талые реки, Днепра неоглядные воды
переплывал я верхом на коне, догоняя
быстрых зверей и спокойно встречая невзгоды.
Милость фортуны и опыт лесного искусства
оберегали меня от позора и смерти,
но не смогли уберечь от нестройных созвучий,
благо лишь в том, что тебе предоставился
случай
нравы зверей и природу узнать понемногу.
Нянчу тревогу и начатый труд продолжаю.

8

Страшен сей бык!

Но тебя он при встрече не тронет,
ежели вдруг не почует недобрые мысли.
Будучи стражем и пущи и собственной жизни,
глазом косит, головою тихонько поводит,
вроде бы в зарослях спрятан охотник надежно,
издали шорох легчайший его обнаружил —
века внезапную дрожь замечает свирепый!
Даже пройти у него на виду безопасней,
если копье не сверкнет или стрелы не звякнут.
Будет смотреть на тебя и стоять неподвижно.
Крови не жаждет. А если детеныши рядом,
шаг замедляет, в лесу повстречав человека.
Блеск и бряцанье оружия гнев распаляют.
Неосторожный щелчок отзывается эхом

жуткого рева! И в темных зрачках — непощада!
Помню, как волосы дыбом от страха вставали
и поднимали тяжелую потную шапку...
Но повторяю, тебя без причины не тронет.
К бою готовый, позволит уйти восвояси.
Все, ухожу — беззаботным прыжком на поляне
резвый детеныш родительский страх вызывает.
Матери он подражает в движении каждом.
Паводки, ямы, завалы деревьев, обрывы
и муравейники одолевает скачками,
ищет преграды, закатное солнце бодает,
спать позволяет себе удивительно редко,
мощных врагов умиляет задиристым храпом,
нежное тело жестокой игрой закаляет.
В соснах мелькает. Кружится на тесной
ложбине.
Ловит низвергнутый им же помет и рогами
очень проворно его над землей распыляет.
Грубые игры! Прекрасные зрелища жизни.
Дрожь перед боем и детства притворная ярость.
В ярких заплатах шумят и толпятся осины,
словно крестьяне сбежались на праздник
природы.
Шалости длятся в течение нескольких суток.
Осенью ранней проводит их Венус в дубравах —
даль оглашают веселия бодрые звуки,
холод пьянит, и протяжная нежность мычания
душу пронзает прекраснее всякого хора!
Голос один неожиданно все покрывает
мощью утробы и листья срывает с деревьев...
Мало известны пределы зубрино́го века,
истины ради, и я ничего не добавлю —
кто сосчитает на убыль идущие годы?
Но говорят егеря, что по разным приметам
помнили зубра, которому было за двести,
стадо свое охраняя и страха не зная,

гордо носил он блестящую с проседью гриву.

9

Может, кого-нибудь вновь одолело сомнение?
Все, что пишу, на глазах у людей происходит
в той стороне, что и былью и славой богата,
а потому ей и выдумок бабьих не надо.
С бременем правды, которая давит на плечи,
росказней бред обойду стороной, как болото,
ведь возвращаться пустому с охоты не легче,
впрочем, пока ты идешь налегке, —
наслажденье,
но какова благодарность? Итак, продолжаю.
Бор покажу. И приятнее это и проще.
В милые дали, в осенние рощи пустые
прелести жизни пришли, и рога затрубили.
Ветры запели, рожденные бурным движеньем
стройных оленей и наших мужей благородных,
сердце свое оживляющих первой охотой
после безумных сражений и тягот военных.
Отдых приятный и труд совмещает охота.
Мускулам крепость дает и волнение — на
пользу.
Старость нависнет, а тело останется твердым.
Слава охоте! Она продлевает нам годы,
слух развивает, глаза обостряет и чувства.
Не заблуждаюсь, минувшее время — свидетель,
то одноногий, а то одноглазый бродяга —
между собою воют и люди и звери.
Всюду сраженья! И даже деревья воют.
Ель и береза качаются в схватке смертельной.
Что удивляться? Шумит неразумная сила!
Кровь дешевет, хотя на пролитие крови

даже князья обладают сомнительным правом.
Давние споры... Столетия прошли, и причины
стали известны, а все же неясностей много,
много догадок, но нет подтверждений
надежных.
Вот почему бесполезны такие сужденья.
Пусть же другие, которым не дорого имя,
ложью любой для ушей наслажденья находят.
Дальше о малоизвестном писать не желаю!

10

В бор возвращаюсь — дыхание теплого ветра
луг цветоносный и пашни отцов овеваает.
Свыше предписано право, которым владеем,
не выбираем путей, но вкушаем свободу.
Дети растут, и не старится мощное племя!
Общими силами землю свою охраняем,
но понимаем, что нету надежнее стража,
чем изобилие жизни и мир настоящий!
Солнце встает, и отвага зовет на охоту.
Тот, кто сильней,
тот быстрее прорвется к загону.
Всюду недобро, однако, свирепость и злоба
подлым путем прорываются к призрачной
власти.
Ненависть точит несчастных правителей наших.
Зависть не раньше, чем сердце врага, затихает.
Часа единого им не дано без тревоги.
Празднуют горе, чванливо считая победы,
после которых сомнительны общие силы.
Грабят себя! Победитель увозит добычу,
а побежденный в печали спешит на чужбину
и опасается стрел отдаленной отчизны.

Следом за ним и жена поспешает в изгнание.
В страхе она, потому что толпа озверела
и не гнушается самой постыдной забавой.
Случаи часты — отдав на заклятие зубра,
самка с детенышем к новому стаду прибьется.
Вместе с весною и бодрость вернется и сила.
Все позабудется. Вот как нежданные беды
верность ломают и ставят любовь под сомнение.

11

Матери Первой^[2] наказ не нарушил потомок
и вековечит заботой богатства лесные,
предпочитая сиянию звонкого злата
золото осени в рощах своих и дубравах.
Смотрит за ними народ, глубоко убежденный
в том, что деревья, и пашни, и реки, и доли
неразделимы. Хотя корабли прибывают
с разным товаром и глаз удивляют работой.
Живы леса! И шумят неизбывные реки.
Быстро плоты проплывают с дарами природы,
соединяя далекие области наши.
И плодородная почва не требует пота.
Жнивом веселым пестрит урожайное поле.
Скот многочисленный бродит в поемных
долинах.
Зреют сады. Табунами проносятся кони.
Все у нас есть, что имеют другие народы.
Но из всего выделяем зеленые недра,
не от спесивости ценим их выше чужого,
ценим обилие меда и желтого воска,
смола корабельных и меха для зимней одежды.
В мае дубы посылаем в широкое море.
Строят из них корабли и дома воздвигают.

Новых купцов отправляют безлесные страны.
В дружбе клянутся. И наша земля не скудеет.
Всюду деревья растут с удивительной силой,
бóльших размеров, чем здесь, ты нигде не
увидишь!
Может быть, скажешь, что эти деревья
бесплодны?
Белки на ветках висят, и куницы играют
инеем черным. А желуди, птицы, и пчелы,
и бескорыстная щедрость цветов безымянных?
Благоухание меда стоит на полянах!
Заняты делом с утра и мужчины и дети,
ульи в деревьях долбят высоко над землею.
Сети трясут и гусей добывают стрелою.
Падает птица. И зрелища нету прекрасней.
Много всего! И глухарь, как зовет его Плиний,
здесь обитает — двойная добыча охоты —
тело врачует от разных болезней, а также
радует душу веселым своим опереньем.
Разные люди, как могут, его добывают.
Бьют из мушкетов и в соснах готовят ловушки.
Пусть добывают! Для всех наш закон одинаков.
Жизни достойный, достоин еще и свободы.

12

Эту свободу нам дарит обилие края,
кстати, замечено мною, что зверь неуклонно
силу теряет и рыба в реке пропадает,
если хозяин ведет себя слишком стесненно
и почему-то стрелять и ловить забывает.
Сколько садов без общенья с людьми одичало?
Та же причина — бессмысленность
плодоношенья.

Дивное что-то у нас происходит в отчизне!
Видимо, бог захотел, чтобы все перед нами
было открыто и каждому в меру доступно,
либо волшебные силы участвуют в жизни,
тайный туман покрывает рождение и гибель,
необычайное нечто наш разум тревожит.
Бредням и сказкам не верю, но все же замечу —
странная сила присуща на севере зелью,
эта же сила и в песнях гуляет и в слове,
сущая правда, хотя христианская вера
пытке огнем подвергает за тайную ересь.
Всех, кто отмечен молвою и кто не доносит,—
сразу хватают и вяжут и в воду бросают,
если увидят, что тонет, — считают невинным,
если не тонет, — виновным его называют.
Помню, как жертва барахталась в темной
пучине,
но не могла погрузиться в нее с головою,
словно волна от несчастного прочь убегала,
кровь цепенела, толпа исступленно кричала,
чудилось мне, что вода на себя не похожа,
даже огонь справедливей к злодею, и все же
лучше природы ничто не очистит нам душу,
ясные дали и дальние цели охоты
много целебней для нашего слуха и зренья
всяких кошмарных видений и хитрого зелья.

13

Зверь начеку! Но и ты, как всегда, наготове.
Ветер хрипит и звенит от собачьего лая.
Замерли в роще седые от инея кони.
Эй, берегись, пропадешь, ерунду вспоминая!
Думай о том, что затравленный зверь на

свободе

чувством и разумом нас превосходит внезапно.
Долго не ждет. Да и песня моя об охоте
тоже не больше, чем краткое время, потерпит.
Рык раздается — медведь напоролся на пику!
Взвизгнул кабан, неудачно стрелою задетый.
Лик исказили и тело взбесили уколы
воющих стрел. И пошла роковая потеха!
Жуткая ярость хрипит в необузданной пасти,
но, как дубина, ударила меткая пуля.
Зверь налетел на березу, и лопнула древо,
как от мороза! И дальше умчалась погоня.
Дрогнул простор. Это зубра, достойного песни,
в чаще далекой почуяли наши собаки.
Легкие стрелы, как молнии в бешеной туче,
в шкуре блеснули, и гром загремел из дубравы.
Зубр, озираясь, к загону помчался прыжками,
в зарослях просек после себя оставляя.
С громкими криками всадники вслед поскакали,
гул прокатился и к утренним звездам вознесся.
Зубр заметался — стена преградила дорогу.
Замер в раздумье — куда повернуть от погони.
Дротики тут же с шипением в шкуру вонзились.
Кровь запылала, и страх перекинулся в злобу.
Первым ударом собак расшвырял по загону!
Болью пришпоренный, новых врагов обнаружил
и на людей обратил распаленную ярость.
Копья, свисая с него, застучали о сосны.
Юноши, хлопнув бичами, рванули поводья
и врассыпную погнали коней в бездорожье.
Только свернув и отпрянув, спасешься от зверя
—
бешеный бег беспощадного мимо проносит.
Если же струсишь и слепо рванешь напрямую —
самой короткою к гибели будет дорога.
Страх обуздай! Потому что и вправду громаден,

вдвое громаднее телом, растянутым в беге...
Ветер огромную гриву его развеивает.
В чаще висят разноцветные клочья погони.
Вновь окружили! Опять острие полетело.
Некто, богатствами знатен и родом известен,
вооружился мушкетом и тешил надежду
встретиться с зубром. Стоял он, укрытый
ветвями,
вдруг, словно дымное облако, зверь появился.
Через кустарник насевшего пса перебросил!
Стал озиаться — откуда ужалила пуля?
Насторожился и гневно пылающим оком
рощу обвел. И хотя находился далеко,
вдруг ужаснулся несчастный владелец мушкета.
«Зубром замечен!» — подумал и умер от страха.
Так и стоял невредимый, укрытый ветвями,
только на голос друзей не хотел отзываться.
Видно, подействовал пагубный взгляд
Василиска.
Темное дело! Безвольный, однако, мужчина.
Все удивлялись, что зверь находился не близко,
и насмеялись над этой трусливой кончиной!
Там и зарыли. Двустышье гласит на могиле:
«Разве рок виноват. Зубра бешеный лик
Лаурина убил. Здесь покоится он».

Впрочем, и сильные тоже в лесах погибают.
Но из всего, что увидеть пришлось на охоте,
самое страшное — зверя прыжок разносящий...
Вот он опять ненавистно вбирает ноздрями
воздух, отравленный порохом, потом и псами.
Всех без разбора считает причиной боли.

Все, что увидит, хватает рогами и вертит,
в землю вбивает и вдруг над собою бросает.
Ливень мясной высоко на ветру холодеет.
Лошадь с распоротым брюхом с березы свисает.
С жалобным криком, ломая рога о деревья,
встречный олень кувыркается после паденья!
Глухо стучит голова о промерзшую глину,
дикий кабан волочит перебитую спину.
Видели мы и медведей, растерзанных зубром
только за то, что с тропы отступить не успели,—
в разные стороны клочья от них полетели!
Снег задымился. Березы обрызганы кровью.
Птицы бесстыдные в воздухе мясо хватают.
Вороны рвут потроха на изломанных ветках.
Лошадь искромсана вся! Но почти невредимый,
всадник застрял на вершине. И это случилось.
Так что без выдумки мы обойдемся и дальше.
Новую жертву внезапным прыжком настигает
и увлекает ее за собой, как стремнина.
В снежной воронке несчастный пловец
завертелся,
свежая кровь потекла по рогам беспощадным —
хруст позвонков и ревущее облако пара!
Черная стая мелькает, едва поспевая,
вслед за кормильцем. Куда понесется
безумный?
Кто на примете? Ни зверь, ни охотник не знает!
Вдруг повернул, возвращается к месту
убийства.
Труп поддевает рогами, ворочает, топчет.
Кости и мясо растерты! Тяжелые стрелы
до оперенья вонзились в мохнатое брюхо.
Шлепнула пуля. Истошно стрелки налетели.
Дразнят зловещими криками, манят угрозой,
но не всегда помогают расчет и сноровка.
Что ожидать от быка, потерявшего разум?

В поле просторней заигрывать с ним, но не
просто
выманить зверя из рощи в свободное поле.
Длинные ветви тебя из седла вырывают.
Будто ловушки, таятся кротовые норы,
ноги цепляются в беге за крепкие корни,
конь спотыкается часто, а там, где криница,
подлая наледь тончайше присыпана снегом.
Грохнулся всадник! Скорей попрощайся с
лесами —
зверь настигает! Взлетает бездушное тело.
Шествует смерть по веселым дорогам охоты.
Хватит! Потеха уже переходит в безумье.
Всякой забаве полезна разумная мера.
Всякое дело нуждается в точных границах.

15

Все-таки славлю охоту! Она пригодится,
чтоб закалить молодежь для грядущих
сражений
и укрепить распыленные силы отчизны!
Слава охоте! Враги нас врасплох не застанут.
Не ожиреет в победу влюбленная воля,
не одряхлеет, готовая к подвигу, юность!..

БЕРСТА

Верста

Янка Купала

Поэзия

Правду с неправдой
горько и весело
перемешайте —
будет поэзия.

Лето, ночь, месяц,
кленик, черешня,
парень и девушка,
вот вам и песня.

Жаркие клятвы,
в чувствах свобода,
вечная верность,
вот вам и ода.

Пуня, девчина,
месяц, ограда,
парень с гармошкой,
вот серенада.

Ловко подперта
пуня соседняя.
Батька с дубиной,
вот и комедия.

Зимка. Где парень?
Девушка — мама.
Слезы и прорубь.
Вот вам и драма.

Жизнь. Люди — шельмы.
Бесятся с жиру.
Честность поэта —
вот вам сатира.

Двор, замок панский,
важная рада,
спесь и почтение —
вот вам баллада.

Свиньи, подпасок,
хмурые дали,
лапоть дырявый —
мир пасторали.

Добрый пан, панна...
Сытая ласка
кормит голодных,
вот вам и сказка.

Пан, хам и поле,
пустая кладовка,
три оплеухи,
вот и концовка.

Петрусь Бровка

«Приду усталым и счастливым...»

Приду усталым и счастливым
и попрошу я у земли:
— Накрой меня крылом орлиным,
крыло голубки постели.

С тех давних дней, босых и бедных,
я им завидовал в тиши,—
с орлом кружился в синих безднах,
но голубиной был души.

Так пусть какой-то росной ранью,
когда настанет мой черед,
не грозный клетот-воркованье
мне вечный ветер принесет.

Аркадий Кулешов

«Мерещилась мне слава близкой целью...»

Мерещилась мне слава близкой целью,
когда в глубокой тишине ночной
поэзия, как мать над колыбелью,
задумчиво склонялась надо мной.

Чтоб мальчик рос, не думая о чуде,
чтоб не считали люди сосунком,
полынью жгучей натирала груди
и смешивала горечь с молоком.

Поторопила возмужанья сроки
стеклом разбитым и дресвой дорог.
Рукою показала мир широкий
и вывела босого за порог.

С тех дней, когда подносят кубок славы,
твержу себе: — Немедля отодвинь.
И ремесло мое не для забавы,
ведь на губах еще горчит полынь.

Максим Танк

Другу

Огрубели пальцы рук —
столько скорбной мерзлой глины,
столько холода и вьюг
просочилось между ними...
Столько солнца и добра,
столько слез и столько горя,
мелкой меди, серебра
и зерна с родного поля,
что вчера, припав к земле,
я едва-едва слышал,
как она, оттаяв, дышит,
как теплеет на заре.
А под старой грустной ивой,
где слагал свой первый стих,
отличить не смог, счастливый,
пальцы друга от своих...

Пимен Панченко

Шекспир и песня

Он не английский, он канадский Стратфорд.
Но, как и всюду, здесь живет Шекспир —
хохочет жир! И полоумный мир
безумные захлестывают страсти.

Потом, когда за сценою из веток
мы собрались и вспыхнула заря,
воскресшие Ромео и Джульетта
нам пожимали руки, как друзья.

И режиссер, он был взволнован встречей,
воскликнул: — За связующую нить!
Как от родимой матери отречься,
так и о дружбе с вами позабыть.

Когда б не песня русская, наверно,
меня б сумел концлагерь доконать,—
он улыбнулся: И тебя, Ромео,
не я, другой учил бы умирать.

Он попросил нас, чтобы мы им спели.
И мы запели, позабыв про страх
и неуменье, в общем, как умели,
о подмосковных наших вечерах.

И долго-долго нам рукоплескали.
Мы понимали — это тем, другим,
что с песней смерть и голод побеждали
и солнце мира видели сквозь дым.

Максим Лужанин

«Все чаще и чаще себя убеждаю...»

Все чаще и чаще себя убеждаю,
что сердце не то, да и возраст не тот,
а утром за дело берусь, ибо знаю —
мое за меня не допишет никто.

Никто не допишет, никто не расскажет
о жалобе той, что болотами пашет,
о празднике том, что являлся крылато,
душа, как зарей озаренная хата...
Никто не расскажет о том, что забыто
и вдруг как новинка еще раз открыто.

Кому передам и кому я доверю
те версты, которыми прошлое мерю,
и ласку отчизны, садов ее цвет,
и доброго взгляда ликующий след.
Не тяжесть отдачи, а радость удачи —
я вам оставляю, а как же иначе?
Все вам отдаю, пока солнце в крови...

Не надо шуметь, дорогие мои!

Анатолий Велюгин

Партизанская школа

Сухим пергаментом — бересты сверток.
Мурашки-буквицы. В стволе — осколок.
В Полесье грамоте училась детвора.
Но выли «юнкеры» и бесновался враг.
Пылали облаки, деревья и трава.
По шелку солнечной коры отвага
рукою детской вывела строку:
«Радзіма. Вежа. Сцяг,
Палон і смага».
Такие же слова
есть в «Слове о полку».
Листала вечный свой букварь дубрава,
и пепелищами отогревала
живые души лютая война.
Родная мова наша
не пропала,
раз в этом пламени
не сгнула она!

Рыгор Бородулин

Цимбалы

Мотылек на колени сел,
раздвинул крылья:
два заспанных луга в росе.
Две покрытых инеем крыши,
две поляны
 заснеженных,
где,
 как беженцы,
как погорельцы —
осины,
 от холода синие,
не могут согреться;
два крыла —
две печальных страницы
книги времени,
книги терпенья, добра и ума,
над которой летают
 тревожные
 черные птицы
и которую молнии пишат,
 читают грома.
По лучам и по ливням,
что сверкают на майских лугах,
ударит крючок —
 и начнется...
И словно речка
 войдет в берега —
в сердце песня прольется.
Об одном вас,
 как братьев,

прошу —
эту песню не забывайте,
не сбивайте с лугов росу
и на крыльях пыльцу не стирайте...

Анатолий Гречанинов

Роют колодец

Колодец роют, глину копают —
чистое все на себя надевают.
Не ссорятся бабы, не курят мужчины,
словно у роженицы за дверью —
тихо!.. И холодом веют холстины,
и с цвирканьем в желтую мокрую землю
входит лопата, входит лопата,
и разливается снежная мята.
Внизу уже остается один —
самый ловкий из сельских мужчин.
И гонит он к солнцу бадью за бадьёй
с заледенелой глубинной землей.
Дядька упорно и долго копает,
кто-то советы надумал давать,
голос глухой из земли отвечает —
просит земля болтуна помолчать.
В деле от лишнего крика — беда —
мутная будет в колодце вода.
Все осторожнее надо копать —
выход криницы нельзя прозевать.
Струи ударят, заходят на дне —
вот уже ведра ему по спине.
Молча советчиков дядька ругает,
вот он еще осторожней копает.
Вдруг над притихшей нарядной толпой
в небо торопится голос глухой:
«Смотрите, браточки,
браточки, пошла!»
Сразу же в темную сырость ствола
канули крики веселые: «Эй,

эй, не зевай, шевелись веселей!»
Хукает дядька на пальцы, копает,
будто бы клад для себя добывает,
ноги застыли, а все не беда —
светлая будет в деревне вода!

Содружество

Максим Танк

Под мачтой

Когда на поле глухо, пусто,
И холод выбелил траву,
И ночью сердцу вторит грустно
Бессонный паводок во рту.

Когда дороги опустеют,
А ветер северный сильнее,
И вдруг затянет одиссею
С крылатым табором гусей.

Люблю под взвихренной сосной,
Как бы под мачтой золотой,
Плыть на свидание с весной —
И весь мой край плывет со мной...

«Все чаще покидают этот лес...»

Все чаще покидают этот лес
Мои ровесники — подоблачные сосны.
Одни сгорели в пламени войны
Иль поднялись могильными крестами,
Другие где-то шпалами гудят,
Поскрипывают в хатах под ногами.

Я в этот лес все чаще прихожу
Поговорить с молодняком шумливым.
Под ним чернеют срезы старых пней,
Как будто патефонные пластинки
С записанными голосами птиц,

Ветров шумливых и дождей забытых.

Я в старых соснах чувствую себя
Сосной, пораненной воспоминаньем,
Когда живицей вытекает песня.

Делянка

Долго на делянке
Вдыхаю свежесть
Смолы, коры, опилок, щепок.
В любую погоду
Я слышу здесь
Шум отшумевших деревьев,
Голос кукушки,
Воркование витютюней.
И углубляюсь в такую чашу,
Откуда возвращает только голос:
— Куда ты пропал?..
Меня за смертью лучше посылать,
А не за дровами,
Если хотите,
Чтоб закипела бульба.

После снегопада

На желтое-желтое жниво,
На серую-серую землю,
На синюю-синюю озимь,
На темную-темную пущу
Лег белый-белый снег.

Почему же он не завеял

Дорогу к твоей хате,
Твоих следов у колодца,
Твоего веселого смеха,
Давних моих надежд!

Максим Лужанин

Василек

*Ад родных ніў, ад роднай хаты
У панскі двор дзеля красы
Яны, бяздолныя, узяты
Ткаць залатыя паясы.*

М. Багдановіч. «Слуцкія ткачыхі»

Я долго жил в стране чужой,
жил молчаливо и сурово,
и был я счастлив всей душой
родимое услышать слово.

Когда ж в словесной толкотне
корней не находил исконных,
тогда в деревьях и в траве
искал я близких и знакомых.

Кусты ракиты примечал,
они по-нашему шумели,
на облаках домой писал,
как только к нам они летели.

Мелькали пустыри, поля,
но где бы мы не колесили,
не показала мне земля
цветок веселый, синий-синий.

Мне скажут: «Сорная трава».
Все понимаю, разумею,
его из жита вырывал,

а вот из сердца — не умею.

В льняной поэме давних дней
цветок светящийся и тихий,
ты — память родины моей,
бессмертный труд ее ткачихи.

Рояль

Пас коров и на зорьке весенней порой
разлучал я пахучую ветку с корой.
Осторожно прорежешь в коре голосник,
словно сердце поставишь — рождается крик!

Оживала свистелка в ребячьих губах,
шлях надежды мои на тяжелых горбах
колыхал. Опьяняла сырая кора
и в большую дорогу звала со двора.
Но все чаще в наивную эту дуду
говорила святая душа про беду.

А сегодня вернул меня в дальнюю даль
наш, борисовской марки, нарядный рояль.
И мальчишка нарядный почти утонул
в блеске черного лака и в рокоте струн.
Он до крайних басов дотянуться не смог,
и на миг померещился мне пастушок.
...Там метелица в поле кружила-мела,
там Левониха глазом поблескивала,
а отец умирал и о чем-то просил,
но слова досказать уже не было сил.

Как же этот мальчишка сквозь ноты-кусты
вывел песенку чистую из темноты?

Да еще отгадал, красотой окрылен,
чем сегодня живу...

Мой низжайший поклон
перед полной душой,
перед чуткой рукой,
перед елью,
чей голос сквозь дальнюю даль,
как в родное гнездовье,
вернулся в рояль.

Деревянная резьба

Хлебопашец за сохою
шел своей полоской клятой,
бился до ночи с землею,
надрывался вместе с клячей.

Дядька сеет — черти весят —
бесполезная работа,
у скотинки шкура лезет,
да и сам ослеп от пота.

Как же сбить беду со следа?
Обошелся без поклона,
потрудился до рассвета,
выпилил коней из клена!

Хороши лошадки — в теле.
Но! — вскричал мужик довольный,
на стреху они взлетели,
понеслись за вольной долей.

Победил забвеньё мастер,
слышно даже и сегодня,

как бежит, летит за счастьем
деревянная погоня.

Дождь. Апрель, 1946

Такие страшные столбы
огня стояли,
что божий день от ночи мы
не отличали.

По черепичной крыше дрожь
бежала к Эльбе.
И мучил нас апрельский дождь —
весна, капли...

Добрался дождичек до нас,
засек балкончик
и спрашивает в сотый раз —
когда закончим?

Войну заканчивай, солдат!
Взошла пшеница.
Сегодня-завтра в аккурат
начнет куститься...

Нарочанские наброски

1

Луга в ромашке — белые,
равнины — нивы спелые,
пьет синеву земля!

И столько в небе чистоты,
и столько в мыслях высоты,
что снова молод я!

2

Пути мои неровные,
заботы лета — кровные,
с утра на поле трудишься,
заснешь — трудом любишься —
приехал в самый раз!
За рыжиком — по вереску,
за рыбиной — по бережку,
за словом — в добрый час!

3

Под деревушкой Купою,
где черт худел над ступою
в далекие года,
дожди, как кони, тупали,
и рвались под Лынтупами
речушек повода.
Мелькали перегонами
грозы цистерны полные —
светлели небеса,
прогромыхав за хатами,
прощальными раскатами
на убыль шла гроза.

А зорька в платье розовом,
в косынке голубой

продрогла под березою,
промокла под сосной.

Совсем, как ты со мной!

4

Опять мы синим вереском
идем в любимый бор,
ведем с бездонной вечностью
безмолвный разговор.

Сосновые иголки
горят в косе густой,
играет сполох солнечный,
как гребень золотой.

Нам весело и холодно,
помолодела кровь,
и солнечное золото
в душе смеется вновь!

«Где-то с молнией ссорится гром...»

Где-то с молнией ссорится гром,
а девчушка домой не успела
и стоит под стрехой с пареньком,
небольшенькая, зябкая, в белом...

Их тропинка кружила в лугах,
или житом дорога петляла,—
дымка счастья осталась в глазах,
в черных косах иглица застряла...

Ночь над ними висит тяжело,
кувыркаются молнии грозно —
все равно им легко и светло,
никогда им не росно, не поздно!

Здравствуй, юность... Начни — подпою!
Хорошо, что ты плащ не надела.
Хорошо, что ты в хату мою
хоть на время дождя залетела!

«Только день отсверкал за холмами...»

Только день отсверкал за холмами,
ветер жито нагнул до земли,
и гроза так плеснула крылами,
словно воды на землю пошли!

И когда отделился огромный
сколок неба с грядой берез,
бор предстал предо мной,
 незнакомый,
будто только сквозь камень пророс!

Анатолий Велюгин

«Опять дремотно ополь зазвенела...»

Опять дремотно ополь зазвенела,
на тротуарах лето заржавело.

А в синеве
над вышками,
над реками —
журавлиный реквием.

С веселой грустью опадайте, листья
забронзовелых календарных истин.
Пускай пронзит не сырость и не утлость
и осень —
юность!

За строгой чернотой депо и фабрик
в сквозном просторе
свежий запах яблок,
хотя скорбит
над вышками,
над реками —
журавлиный реквием.

Летописцу лесного фронта

Невыносим рыбацкий зуд,
слепит и жжет росинка.
Но не смолкает «ундервуд» —
трофейная машинка.

Диктуют грозы сквозь окно,

хотя свое про танки
отбарабанила давно
она в штабной землянке.

Сменила строгий стиль и лад,
изведала немало,
и жизнь и смерть под гул блокад
сурово отстучала.

Ты помнишь топкую постель,
ведь в ней друзья уснули.
Стучит машинка!
Буквы к ней летят, как наши пули.

Не надо загонять в размер
печаль болотных чаек.
И гонит летний сонм химер
войны живой печатник.

Простроченная тишина.
И стол как поле боя.
И ноет сердце дотемна,
заходится от боли!

Печура

У надгробья две ракиты
головы склонили.
Здесь две девочки убиты.
Спят в одной могиле.
Грустный камень на обрыве,
ты один — свидетель,
как оплаканы родными
в сорок третьем дети.

Люди, слушайте, смотрите,
не случится чудо.
Крик не смолкнет на границе:
«Их убил Печура!»

По какой земле гуляет
этот гад, наглея.
Даже камень проклиная
полицая-зверя!
Может, он удрал за море:
принимайте гостя.
Сколько лет седое горе
плачет на погосте:
«Ой, ракиты, не шумите,
не случится чудо.
Моих дочек не будите».
Их убил Печура.

Алексей Пысин

Паром

Левый берег покатый.
Правый берег крутой.
Пахнет сеном и мятой
и вчерашней ухой.

На крутом перекате
звонко выстрелил сом.
На блестящем канате
повели мы паром.

И телегу с мешками,
и коня,
и гармонь.
Трос дрожит под руками.
Обжигает ладонь.

На паром наш пловучий
тянем берег в стогах,
тянем сонные кручи,
тянем даль в облаках.

Кто домой, кто к невесте,
кто от тещи бегом.
Рейсов сто или двести
за день сделал паром.

Весь лохматый и сонный,
вышел вечер на луг.
На канат раскаленный
с кручи глянул я вдруг —

от зари он червонный
иль нагрелся от рук?

«На родину тропинка...»

На родину тропинка,
что нитка без узла.
Был камень у села.
Безногий бог каменьев.

Покатый, рыжеватый
валун на сотни тонн.
Куда скатился он,
где канул он бесследно?

Печалиться не надо
об этом камне, брат.
Ты столько знал утрат,
что камень тот — песчинка...

«Забыто многое в пути ...»

Забыто многое в пути,—
избыто, сметено и смыто.
Мне в жито хочется войти.
Мне кажется, что вечность — жито.

Возьму шершавый колосок
на чутком проводе соломы,
и ты уже не так далек,
мой предок — пахарь незнакомый.

Жней неизвестных голоса,
как море, выплеснет волною
живого хлеба полоса,
звнящая передо мною...

Здесь дозревают в дождь и в зной
ростки надежд и дней суровых,
гудит нетленный провод мой,
как связь былых времен и новых.

Пусть даль дозреет — широка!
Пусть сохнут на корню печали.
И к зернам тянется рука,
чтоб нас потомки услышали...

«Осенний лес, осенний лес...»

Осенний лес, осенний лес,
бездомный свет сквозных рябин.
Все выше по березе дятел лез.
И я в лесу осеннем был один.

Зачем, зачем я приходил сюда?
Под звон дубов, под синий хвойный дым,
какую думу думал вместе с ним,
как будто на двоих у нас одна беда.

А листопад, листая жизнь мою,
стелив дорогу будущей весне.
Сказал бы дятлу, как тебя люблю.
Сказал бы дятлу, как бездомно мне.

Но одинокий собеседник мой
выстукивал, выслушивал свой бор.

Здесь столько сосен с грустной немотой,
что ни к чему мой грустный разговор.

«Еще не кончилась дорога...»

Еще не кончилась дорога
к сердцам и радостям земным.
Не покидай меня, тревога,
будь светлым спутником моим.

Как дождь и засуху по листьям
когда-то видел предок мой,
дай распознать в толпе по лицам,
кто с радостью,
а кто с бедой.
Чтоб без расчета и без платы
обнять того,
кто друг и брат.
Есть очень горькие утраты.
Я тоже в чем-то виноват.
Сегодня были б мы намного
и веселее,
и добрей,
когда б мы уважали бога
ничуть не больше, чем людей.
Не каюсь и в былом не роюсь.
Ведь и себя я не берег.
Мой бог — моя живая совесть
пред далью будущих дорог.

Минута молчания

Наше время считают деревья,
что выросли на священной золе.
И в минуту большого доверья
вспоминаем мы тех, кто в земле.
Под кореньями, под молочаем
есть у каждого кто-то родной.
«Так почтим их
минутой
молчанья...»

Так молчат берега над водой.

Между нами поток быстротечный
с мотыльками, стволами берез,
с первым криком, теплом человеческим
до последнего вздоха... до звезд...

Знаю, — вечность, холодная, тихая,
никому никого не вернет.
Только в соснах часы твои тикают
и кукушка кукует-поет...

«Возникни, новый день, началом новым...»

Возникни, новый день, началом новым.
С далекой, заповедной чистотой,
с забытой песней, с холодком сосновым,
и юный мир открой передо мной.

Травой и лесом обросла дорога.
Травой и лесом вызрела в тиши.
Но знаю я — ни грусть, ни боль души
не возвратят, не возвратят былого.

С вершины лет, когда-то с боем взятой,

я в душу, словно в озеро, гляжу,
но забытья и тишины закатной
в железный век у жизни не прошу.

Беру с собой нелегкие дороги.
Следы страданий, что остались там...
Беру с собой бессонные тревоги,
а юный свет я юным передам.

Сергей Граховский

Бессмертие зерна

Пускай душа твоя услышит,
как трудно хлебный колос дышит.
Иди же в поле!

Там нынче дозревает жито,
и тайна жизни всем открыта —
зерна бессмертье.

Оно взошло, отколосилось
и валом к людям устремилось —
нет лучшей доли!

Оно всю силу, как дозреет,
вернет тому, кто пашет, сеет,
жнет и молотит.

Умытое росой и потом,
оно становится оплотом
моей Державы.

Стихает перепелки голос,
что ни зерно — то буйный колос
весны желанной.

«Люблю подзол, пропахший лесом...»

Люблю подзол, пропахший лесом,
люблю густой живицы дух,
и свежий дух щепы под прессом,

и розовый кипрея дух.

Люблю зеленый луч иглицы,
и земляничную росу,
и жар болотной огневицы,
и отсвет молнии в лесу.

Люблю седых дубов колонны,
и сосен гонкие стволы,
и меда полные колоды,
и звон полуденной пчелы.

Весною ранней сок березы
губами жадными ловлю,
зеленые от сосен плесы
и срубы звонкие люблю.

И эти срубы над рекою,
и колыбели, и гроба —
все пахнет свежее смолою,
сосновый край — моя судьба.

Сеятель

Плывет, как лодка, узкий черный гроб,
плывет над полем, над бессмертным житом.
И женщины, и старики, и дети
хоронят сеятеля, пахаря, косца.

Хоронят без венков и без оркестра,
не произносят слов высокопарных,
газеты выйдут в свет без некролога,
и лишь колосья грустно никнут в поле.

Он сорок восемь раз посеял жито
и сорок восемь раз обмолотил.
Он сорок восемь лет кормил людей,
которых никогда в глаза не видел.

Ему никто не говорил «спасибо»,
не вспоминал за шумною беседой,
ведь имени его не знали дальше,
чем ходит плуг, коса и борона.

Хоронят сеятеля. Старики молчат.
В руках детей — поникшие ромашки,
но не заходит солнце над полями,
они привыкли вместе уходить.

Стоят леса в почетном карауле,
колодезный рыдает журавель,
и ласточки летают низко-низко
над пыльным шляхом, над высоким
житом...

Аисты

*Ты огня не бойся, брате,
если аист есть на хате.*

Присказка

Волнуются —
куда девалась хата?
Вокруг воронки
и в золе вода.
И не клекочут утром аистята,
подняться не успели из гнезда.

По белым крыльям —
черные полосы,
так облетает траур города...
И не смолкают
горя отголоски,
не отболела в памяти беда.

Нет ни колодца,
ни любимой хаты,
ни липы на развилке трех дорог.
И кружит аист,
словно виноватый,
что старое гнездовье не берег.

Кружат, горюют —
аист, аистиха,
под ними трубы черные,
зола...
Роса с лозы стекает тихо-тихо.
Молчит Хатынь, кричат колокола!..

Рыгор Бородулин

Год

I

Гром катится, как с бочками подводы,
не чибис — ива свищет дотемна.
А борозда, очнувшись от дремоты,
уже не в гром, а в ливень влюблена.
Еще пустые, стынут гнезда, соты.
И даль тревогой светлою полна.
Но ни о чем не думает весна,
еще на юге все ее заботы.
В глаза посмотришь — не увидишь дна.
Холодный дым летит за огороды.
Гуляй, весна, пока еще одна.
Отяжелела рожью целина.
В гнезде птенец ликует желторотый.
Заботы от темна и до темна.

II

Грачонок машет крыльями нелепо.
Под крышею ржавеет майский плуг.
Стирает пот расхристанное лето.
От зноя в полдень глохнут лог и луг.
Как грудь косца, осмуглилась планета.
А тминный дух захватывает дух.
Где облачко, где тополиный пух?
И просинь просит у берез просвета.

Свекольный лист свернулся и пожух.
Насквозь дорога пыльная прогрета.
Гнедой уныло отгоняет мух.
Но свет очей весенних не потух.
На синих крыльях отблеска рассвета
подлётка совершает первый круг.

III

Идут круги — язями плещет Щара,
лесной криницы огневой глоток.
След листопада, будто след пожара.
В душе какой-то странный холодок.
Пустое небо крыльями обшарив,
ныряет ястреб в заросли заток.
А полночь белой молнии моток
распутала. И вновь горят Стожары.
Грустит покрытый инеем стожок,
зато спешит веселье на базары.
Стерня седеет. Настывая, ток
звенит, звенит, и вдруг блеснет ледок.
У язя сонно двигаются жабры.
Но озимь жадно тянет зябкий сок.

IV

Под слоем льда пульсирует криница,
как за двойною рамою рассвет.
Стеклянный звон рассыпала синица,
дня не дождется, а его все нет.
Реке рыбак под ивою приснится,
а рыбаку — как будто смерти нет —

зеленый дым и эхо юных лет.
Дуб заскрипел — заныла поясница.
Сугробы цепко держит бересклет.
Вороний карк на оттепель скупится.
Зима зимой, но век не без примет.
С подпругой чертыхается сосед.
И словно полоз, в небе серебрится
от реактивных самолетов след.

Мотылек

*Бьется, вьется быстрый, легкий
Синекрылый мотылек.*

Максим Богданович

Сонливый теплый плес лелеет
ленивой лилии цветок.
Как лепесток,
летит,
белеет,
вихляет
легкий
мотылек.
Все лилию зовет он в небо,
чтоб не любила
так,
до слез,
унылый, илистый, нелепый,
сомлевший,
обмелевший
плес,
где легкой ласкою ласкает
линей зеленая волна,
где серебро

малька
мелькает
и пузыри
блестят
со дна,
где вдруг захлестывало лодки,
когда на волны ливень лег.
Печальный,
легкий,
одиноким,
летает куда-то мотылек...

Весенняя зарисовка на берегу озера

Озеро стоит, не колыхнется,
будто бы огонь прибрежной хаты,
как гвоздем, прибил его ко дну,
чтобы никуда не убежало.

Словно бугорок утыкан хвоей —
замер ежик около дороги,
водит своей мордочкой курносой,
нюхает — куда прошла полевка.

Где-то на несмазанных колесах
коростель везет сушить туманы.
Голосит (не накричался за день)
чибис, будто хвост ему зажали.

И опять туманы пахнут рыбой,
а земля — оттаявшею мятой.
Вот и ты заходишься от свиста,
добрый вечер, соловей знакомый!

Ты ведь не забыл, как старый Ицка
утром вез в деревню бочки дегтя.
Черт подкрался, вырвал шпунт из бочки,
и закапал деготь на дорогу.

Это ты кричал ему с березы,
что росла за старой смолокурней:

— Ицик, Ицик!
Деготь вытек,
кап-кап,
ццюрр-руру!..

Выбежали все мои соседи
с ведрами — Максимиха, Козлиха,
а у Ицки — хоть бы капля дегтя,
до сих пор еще его жалеют.

Добрый вечер и большое «дзякуй»
за воспоминание,
залетный!..

Помытые половицы

Только что помыли половицы,
и от них пахнуло бором густо,
будто теплый дождь прошел, и птицы
закричали медленно и грустно.

Стало душно в зарослях малины.
Стукнул дятел глухо и тревожно.
Вытирайте ноги!
Осторожно...

Пол скрипит! Качаются вершины...

«Как захлебнулся от радости жаворонок...»

Как захлебнулся от радости жаворонок,
там, где под солнцем дымится ветряк,
а на рассвете болотами ржавыми
мягко пружинит черный ивняк;

как над обрывом под ветром до одури
старая ива скрипит и цветет,
а на закате над сонными водами
выпь одинокая друга зовет,—
я не слышал три года.

Как ослепительно озеро чистое
синькой и мелом сияет со дна,
облачко, словно косынку пушистую,
в нем позабыла красунья-весна;

как торопливо, ненастьем встревоженный,
хмель обхватил возле хаты ольху,
будто дитя! А в бору, а во мху
спрятались шишки сухие: как ежики,—
я не видел три года.

Как удивительно утром и вечером
пахнет землею, разрытой кротом,
а над холодной светлой речкою —
лилией, аиром и камышом,—
я не вдыхал три года.

Снова ступаю тропинками гибкими.
И узнают, и встречают меня

елки — колючками, ветки — улыбками,
хата — крапивою возле плетня.

Жаль меня верностью! Жаль меня жалостью!
Воспоминаньями жаль и прощай!
Клюквой, грибами, капустою заячьей,
бор мой зеленый, друга встречай!

Грая вам — звонкого,
неба вам — синего,
дали родимые! Пусть от зари
и до зари над разливами, ивами,
гнездами, хатами, сонными сливами
солнце горит!

СОДЕРЖАНИЕ

Лесная отчизна

*** На берегу Днепра в лесной отчизне...	5
*** Как в ранней юности, весной...	6
*** Старинный город Могилев...	7
Летающий сад	8
Начало	9
Осенний заплыв	10
*** Ты помнишь, сразу две кометы...	12
*** Как ненасытен человек!..	13
*** Пусто. Холодно...	14
Назло беде	15
Ледоход	16
Похолодание	17
Весной на родине	18
*** Ночью пролетали журавли...	19
Вокаал	20
Родная верста	22
Король угрей	23
Мой волк	24
Рябина	25
*** Бессонница. Горят Стожары...	26
Вдова	27
Родине	28
Береза у военкомата	29
*** Год 52-й...	30
Июньская ночь	31
*** Слово свет от нее отшатнулся!.. . . .	32

*** Ночью птица...	33
*** Так редко дружат ум и красота...	34
Одни в лесах	35
Старинный вальс	36
*** Тревожно мне в городе Минске...	37

Из юношеских тетрадей

Как старуха солнце воровала	38
Детство	39
Браконьеры	40
*** С Днепра на город плыл туман...	41
Рыжая Майя	42
*** Подросток у тебя в подъезде...	43
*** Проспал на охоту! Аж бросило в пот...	44
*** Полный неба холодного клен...	45
Веселая баллада	46
В чужом городе	47
*** Воль перелетная, получужая...	48
*** На родине моей уже скрипят паромы...	49
После войны	50
*** Пылают буки, грабы, клены...	51
Баллада из Лесной	52
Дозорная ветка (<i>Вступление в поэму</i>)	54

Песня о зубре

Верста

Янка Купала

Поэзия	85
------------------	----

Петрусь Бровка

*** Приду усталым и счастливым...	87
-----------------------------------	----

Аркадий Кулешов

*** Мерещилась мне слава близкой целью...	88
---	----

Максим Танк

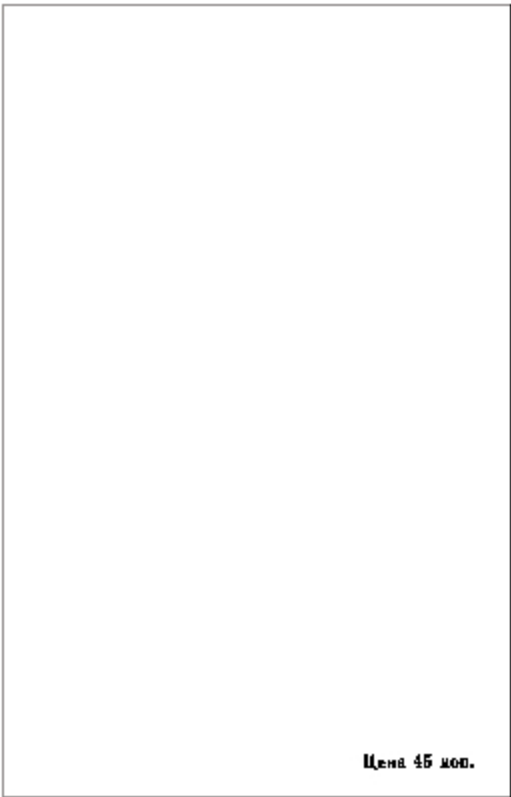
Другу	89
-----------------	----

<i>Пимен Панченко</i>	
Шекспир и песня	90
<i>Максим Лужанин</i>	
*** Все чаще и чаще себя убеждаю...	91
<i>Анатолий Велюгин</i>	
Партизанская школа	92
<i>Рыгор Бородулин</i>	
Цимбалы	93
<i>Анатолий Гречаников</i>	
Роят колодец	95
Содружество	
<i>Максим Танк</i>	
Под мачтой	99
*** Все чаще покидают этот лес...	100
Делянка	101
После снегопада	102
<i>Максим Лужанин</i>	
Василек	103
Рояль	105
Деревянная резьба	107
Дождь. Апрель, 1946	108
Нарочанские наброски	109
*** Где-то с молнией ссорится гром...	111
*** Только день отсверкал за холмами...	112
<i>Анатолий Велюгин</i>	
*** Опять дремотно ополь зазвенела...	113
Летописцу лесного фронта	114
Печура	116
<i>Алексей Пысин</i>	
Паром	117
*** На родину тропинка...	119
*** Забыто многое в пути...	120
142	
*** Осенний лес, осенний лес...	121
*** Еще не кончилась дорога...	122
Минута молчания	123
*** Возниким, новый день, началом новым...	124
<i>Сергей Граховский</i>	
Бессмертие зерна	125
*** Люблю подзол, пропахший лесом...	126
Сеятель	127
Ансты	129
<i>Рыгор Бородулин</i>	
Год	130
Мотылек	133
Весенняя зарисовка на берегу озера	135
Помытые половицы	137
*** Как захлебнулся от радости жаворонок...	138

Шиллерский И.
Ш 66 Дворная ветна. Стихи и переводы. Мн., «Маст.
лит.» 1975,
143 с. с илл.
Родина, природа, любовь — родники, питающие поэзию
Игоря Шиллерского. Живительное — отличительная черта его
стихотворений, соединяющих в себе свежесть родных лесов,
чистоту рек, травлок и надежды людей.
С этими жемчужинами поэзии Шиллерского переиздаются
и вошедший в перевод «Поэмы о зуре» Николая Гуманова, напе-
сенный в XVI веке, и переводы прозаических белорусских со-
ветских поэтов.

Ш 70402-044
М 302(06)-75

P 2

Цена 45 руб.

notes

Примечания

1

Имеется в виду Эразм Плоцкий.

Первая Матерь — Родина.